

ТО ЧА Р Л З ПОШУ

НАСТОЯЩИМ ЦЕНИТЕЛЯМ
АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

СВИДЕТЕЛИ
ВРЕМЕНИ

Инспектор Иен Ратлидж

Чарлз Тодд
Свидетели времени

«Центрполиграф»

2001

Тодд Ч.

Свидетели времени / Ч. Тодд — «Центрполиграф»,
2001 — (Инспектор Иен Ратлидж)

Инспектор Ратлидж по заданию Скотленд-Ярда отправляется в небольшой городок Остерли, где убит священник. Преступление нельзя назвать рядовым, хотя на первый взгляд мотив его самый примитивный – ограбление. Но неоправданная жестокость, с которой оно совершено, подсказывает детективу, что подоплека драмы многослойна и требует пристального изучения. Чтобы распутать криминальный клубок, ему придется проникнуть не в одну трагическую тайну.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	42
Глава 7	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Чарлз Тодд

Свидетели Времени

Charles Todd
WATCHERS OF TIME
A Novel

Глава 1

Остерли, сентябрь 1919 г.

Доктор Стивенсон отошел от постели больного, дыхание которого стало настолько слабым, что движение груди, приподнимавшей тонкое одеяло, уже практически прекратилось. Единственным признаком еле теплившейся жизни было беспокойное шевеление исхудалых пальцев, ухватившихся за край одеяла, – они непрерывно исполняли ритмичное постукивание, напоминавшее барабанную дробь. Дважды молодая женщина, сидевшая около него на постели, пыталась остановить эту беспокойную игру пальцев. Она накрывала их своими руками, но стоило их убрать, движение возобновлялось, пальцы отца снова начинали постукивать по одеялу, как у барабанщика, заученно повторяющего знакомое упражнение. Вздохнув, она прекратила попытки остановить их и выпрямилась.

Худое, измученное лицо больного было изборождено глубокими страдальческими морщинами, их еще больше подчеркивала отросшая местами щетина, контрастом выделялись обветренные загорелые лоб и нос. Кустистые седые брови нависали над впалыми веками. И все же в теле, обессиленном болезнью и возрастом, оставались еще силы, и сейчас в нем шла упорная борьба за остатки жизни. Старик не сдавался, потому что не привык сдаваться перед трудностями.

Доктор поймал взгляд одного из сыновей, оба стояли неподалеку, их лица оставались в тени, потому что настольная лампа была занавешена легким шарфом, и кивком отозвал их в сторону, чтобы его слова не мог слышать больной. Молодая женщина, сидевшая на постели, не шелохнулась – она не хотела знать, о чем они станут шептаться.

На дом обрушился еще один порыв ветра, он сопровождался усилением дождя, струи воды громко и настойчиво стучали по стеклам и карнизам. Шторм задержался на побережье, как часто здесь бывало, и не торопился перемещаться в глубь материка. Вот уже несколько часов он не давал возможности жителям городка высунуть нос из дома.

Старший брат наклонился, чтобы лучше расслышать тихие слова доктора.

– Он спокойно и мирно отходит. Я больше ничего не могу для него сделать. Но может быть, он хотел бы позвать мистера Симса? Да и вашу сестру утешило бы в какой-то степени его присутствие.

Мистер Симс был местным викарием.

Младший с готовностью отозвался:

– Я сейчас за ним схожу, – и пошел к двери.

Когда он проходил мимо лампы, легкий платок, сброшенный на абажур, шевельнулся от движения воздуха, и свет упал на его лицо, по которому текли слезы. Сестра жала руку брата, утешая. Старший сказал:

– У него была длинная жизнь. У нашего Па. Хотя, по правде говоря, мог бы пожить еще. Всего шестьдесят четыре. Мы ожидали, что он еще пять – десять лет не оставит нас. Его отец, наш дед, умер в восемьдесят с хвостиком. А дядя Тед в свои шестьдесят шесть выглядит молодцом. – Он покачал головой.

– Ваш дядя Тадеуш обладает бычьим здоровьем, – согласился доктор Стивенсон, – скорее всего, он перешагнет и годы вашего деда. Но у вашего отца было большое сердце, и это разрушило его.

Хетти Болдуин, дочь его домоправительницы, нашла себе хорошего мужа в лице Мартина Бейкера, старшего сына. Доктор взглянул на лицо умирающего Герберта Бейкера, изможденное, высушенное бессонницей и болезнью. Мартин такой же, как отец, – богобоязненный, привязанный к семье, с сильным чувством долга. Мартин и Хетти были хорошей парой.

– Все в руках Божьих. Он каждому определяет свое время. И Он милостив к вашему отцу, избавляя в конце от мучений. – Доктор пытался найти слова утешения. Он кивнул в сторону постели и посоветовал: – Надо дать отдохнуть Элли, хоть немного. Она почти не отходит от него со вчерашнего утра. Мы ее позовем, в том случае... Иначе она сама свалится, если продолжит и дальше так сидеть и смотреть на отца.

– Я пытался, но безуспешно. – Мартин повернулся к окну и чуть отдернул штору. Струи дождя колотили по стеклу, рамы сотрясались под порывами ветра, шквал шел за шквалом. Ужасная ночь. В такую ночь страшно умирать. Он снова задернул штору. – Нельзя никак ей помочь? – спросил он у доктора.

– Я оставляю для нее несколько таблеток снотворного. После его ухода, когда все будет кончено, растворите в воде и дайте ей. И еще, Мартин, нельзя, чтобы Дик нес гроб. Его плечо еще не зажило, ключица никогда не будет такой, как прежде. Все еще существует опасность потерять руку, если он не будет осторожным. Военные хирурги не волшебники, хотя сделали все, что могли, надо побережться.

– Я помню об этом.

– Молодец! – Доктор одобрительно похлопал Мартина по плечу и снова подошел к постели.

Он дотронулся до рук Элли, сжатых на коленях. Они были холодными и дрожали.

– Твой отец ничего не чувствует сейчас. Отдохни или хотя бы позволь Мартину набросить на тебя шаль.

Она кивнула, не в силах говорить.

Голова больного на подушке повернулась налево, потом направо. Вдруг Герберт Бейкер открыл глаза, его взгляд остановился на лице дочери. Раздался скрипучий голос:

– Я хочу настоятеля.

Доктор наклонился и ободрил:

– Мы уже послали Дика за мистером Симсом.

– Я хочу *настоятеля*, – повторил старик уже с раздражением.

– Но он сейчас придет, папа. – Элли с трудом сдерживалась, чтобы не зарыдать. – Ты слышишь меня? Он вот-вот будет здесь.

– Настоятеля, – услышали они, – а не викария.

– Герберт, – сказал мягко доктор, – позволь, я приподниму тебе голову, а Элли даст воды...

Герберт устремил на доктора взгляд – темные, провалившиеся глаза умоляли.

– Я хочу настоятеля.

Умирающий сказал это ясным голосом, не давая себя отвлечь.

Дверь спальни распахнулась, и показался мистер Симс, которого сопровождал Дик.

– Я встретил викария, он как раз направлялся к нам, – сказал Дик из-за спины священника, – шел узнать, не нужна ли его помощь.

Мистер Симс – высокий, худощавый, молодой, пожалуй, был немногим старше Дика.

– Я как раз навещал миссис Кворлс и решил, что зайду к вам, прежде чем идти домой, – объяснил викарий.

Герберт Бейкер умирал уже сутки, и весь город знал, что конец близок. Осталось в лучшем случае несколько часов. Симс уже заходил два раза перед этим. Он подошел к Элли, взял ее за руку и сказал мягко:

– Эллен, как ты думаешь, найдется для нас всех по чашке чаю? Не мешает согреться немного в такую ночь.

Она застенчиво покраснела.

– Чай? О, конечно. Я только что поставила чайник на огонь.

Разгладив одеяло на груди отца, она с неохотой покинула комнату. Симс сел на ее место на постели и внимательно взглянул на больного.

– У тебя была хорошая жизнь, Герберт Бейкер. Ты был женат на хорошей женщине, она была преданной женой и прекрасной матерью. Оба твоих сына вернулись живыми с войны и оба имеют работу. Господь был добр к тебе.

– Спасибо, викарий. И вы прочитайте за меня молитву, когда уйдет настоятель.

Викарий посмотрел на доктора, потом с недоумением на Мартина.

– Он попросил послать за настоятелем. Только что, перед вашим приходом. Я не знаю почему...

– Отец Джеймс – единственный настоятель в Остерли, – сказал Дик. – Но ведь он католик...

– Да, да, его. – Голос Герберта Бейкера вдруг окреп, а в глубине потухших глаз зажегся огонек надежды.

– Что ж, если папа так хочет, надо его ублажить, – сказал Мартин. – Дик, сходи спроси, может ли прийти отец Джеймс.

Дик замешкался, ему было неловко перед викарием, он виновато взглянул на мистера Симса, как будто потворствовал ереси. Но тот лишь кивнул ободряюще, и Дик вышел.

– Вы останетесь? – спросил Мартин викария.

От постели прошелестело:

– Останьтесь.

Изможденное лицо Герберта вновь стало страдальческим, как будто он последние силы израсходовал на слова.

– Я пойду пока на кухню, – сказал викарий. – Кажется, Эллен нуждается в ободрении и чашке чаю больше других. – И, поднимаясь с постели, добавил мягко: – Не бойся, Герберт, я буду рядом.

Герберт кивнул и закрыл глаза. Ветер вдруг стал стихать. Теперь слышался лишь шум дождя по крыше, равномерный, больше похожий на летний. Доктор Стивенсон сказал викарию:

– Он в полном рассудке. Но умирающие часто имеют причуды, и лучше ему уступить.

– Я знаю. Видел одного на войне, так он пожелал быть похороненным вместе со своей собакой. Только собаки-то у него не было. Но когда он умер и его пришли хоронить, его руки были сложены на груди так, как будто он держал на груди маленькую собачку. Странное утешение, но кто может знать, что у Герберта на уме?

Викарий вышел из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь. Послышались голоса, он говорил с Эллен, потом оба спустились вниз, и в комнате наступила тишина. Мартин посмотрел на отца и спросил у доктора:

– Он не будет мучиться?

– Он уйдет легко. Сначала остановится его сердце. Потом дыхание. Но перед этим он заснет, чтобы больше не проснуться. Я не ожидал, что он так долго будет бодрствовать. Думал, что наступила последняя стадия.

Герберт, видимо, услышал их голоса и снова спросил слабым голосом:

– Пришел настоятель?

– Еще нет, папа. – Мартин присел на кровать. – Дик уже пошел за ним.

Он накрыл руки отца своими, не в силах выразить словами горе, как все простые люди. Но тепло его пальцев, видимо, успокаивало умирающего. Мартин прочистил скованное спазмом горло.

Молчание затягивалось. Спустя четверть часа в дверях появился отец Джеймс – маленький лысеющий человек средних лет, за ним маячил Дик. Отец Джеймс поприветствовал доктора кивком. Потом подошел к Мартину и пожал протянутую руку. Его руки были холодными в этот непогожий вечер.

– Мне сказали, что ваш отец послал за настоятелем. – Его лицо выражало участие.

– Сам не понимаю, почему он так поступил...

– Это не важно. Я поговорю с ним в любом случае, – мягко ответил отец Джеймс, чтобы разрядить неловкость ситуации. Он подошел к кровати и наклонился над Гербертом.

– Мистер Бейкер, – произнес он. – Герберт? Это отец Джеймс. Чем я могу тебе помочь?

Глаза Бейкера открылись, моргнули. Казалось, он с трудом сфокусировал взгляд, увидев перед собой белый клерикальный воротник, выделявшийся на черном одеянии.

– Отец Джеймс, это вы?

– Да.

Тонкая исхудалая рука поднялась из-под одеяла, отец Джеймс взял ее, и пальцы больного цепко ухватились за его руку.

– Пусть они выйдут. Только вы и я.

Отец Джеймс взглянул на встревоженные лица обоих сыновей, потом на доктора Стивенсона. Все трое кивнули в знак согласия и вышли, слышно было, как их шаги удаляются по коридору в сторону лестницы.

Отец Джеймс ждал, пока шаги стихнут, тем временем оглядывая обстановку, чтобы получить представление о человеке, который сейчас умирал. Он, конечно, знал членов этой семьи, хотя редко обменивался с ними парой слов.

Большая комната прямо под карнизом крыши была обставлена простой, но добротной мебелью. На полу вытертый ковер. Картина какого-то доморощенного художника изображала волны, восход солнца и корабли. Морской вид был выполнен хотя и непрофессиональной, но твердой рукой. Наверное, семья гордилась картиной, раз поместила в рамку и повесила на стену. Единственное окно выходило на улицу. Ставни опущены из-за непогоды, шторы задернуты.

Дом походил на все другие дома в этом городке, простой и аскетичный, типичный дом рабочего человека. Расцвет Остерли остался в прошлом, задолго до рождения Герберта Бейкера. Хотя никто здесь не голодал, люди трудились в поте лица, зарабатывая на кусок хлеба.

Священник снова повернулся к постели и увидел фотографию женщины на столике рядом с изголовьем. Дождь почти прекратился, и вдруг новый порыв ветра так сотряс дом, что замигал свет лампы. Кто это? Жена Герберта Бейкера? Она умерла перед войной, кажется, а снимок сделан лет за десять до этого. Дочь, Эллен? Явное сходство. Те же темные волосы, милое лицо, распахнутые глаза, доверчиво глядевшие в камеру.

Отец Джеймс присел осторожно на край постели, где сидели до него Эллен и викарий, и сказал своим глубоким, проникновенным голосом, которым наградила его природа:

– Я здесь. Мы одни перед Богом. Во имя Отца, Сына и Святого Духа, скажи, что я могу для тебя сделать?

Примерно полчаса спустя отец Джеймс спустился вниз и нашел всю семью, доктора и викария в маленькой викторианской гостиной. Чай был подан и разлит по чашкам, но едва они притронулись к нему, как ветер снова сотряс дом, снабдив появление священника почти театральным эффектом.

Все лица повернулись к отцу Джеймсу, когда он остановился на пороге. На них читалось ожидание с легкой примесью любопытства. Тишина стала напряженной. Отец Джеймс откашлялся, прочистив горло, прежде чем заговорить:

– Ваш отец сейчас отдыхает. Он сказал мне, что хочет быть похоронен мистером Симсом в соответствии с собственной верой и необходимыми атрибутами заупокойной службы. Я лишь немного его утешил, постарался, как мог, облегчить его уход. Если позовет меня еще, дайте знать. А теперь простите, но мне надо идти. Уже поздно...

Его поблагодарили и предложили чаю, он сел и выпил немного теплого чая, из вежливости. Доктор Стивенсон заметил словно бы отсутствующее и несколько напряженное выражение в его глазах, но отнес это к непривычной обстановке – ведь отец Джеймс находится среди людей иного вероисповедания. Им много раз приходилось разделять подобное долгое ожидание, и доктор всегда находил в настоятеле союзника, сильного и верного в утешении и последнем напутствии людей, отправлявшихся в мир иной, равно как и в соболезновании и утешении родственников. Впрочем, даже они не могли привыкнуть к смерти, хотя научились принимать ее как неизбежное завершение жизненного пути.

Отец Джеймс и сейчас нашел соответствующие случаю слова для детей Герберта, его глубокий, проникновенный голос, казалось, примирял их с неизбежностью. У Эллен, Дика и Мартина были усталые, измученные лица, но голос отца Джеймса, убедительный и умиротворяющий, придавал им силы. Они услышали, что их отец примирился с Богом и не изменил вере. Эти простые люди и сами не могли понять, почему так смущены внезапным желанием отца, им показалось странным позвать католического священника. И отец Джеймс, понимая это, говорил так:

– Ваш отец не стал легкомысленным и не поменял веру. Перед кончиной мы все ищем утешения, нуждаемся в Божьей милости, как дети перед Отцом. Я старше викария. Возможно, это имело значение для Герберта. – Он улыбнулся через стол молодому мистеру Симсу.

Около стула викария крутился пятнистый белый спаниель, ожидая, когда тот его погладит и почешет за ухом. Мистер Симс с некоторой застенчивостью, как будто извиняясь, объяснил:

– На фронте было то же самое. Они были все так молоды, большинство из них. Но уже имели такой опыт, что я не соответствовал. И я посылал некоторых к капеллану, который был по возрасту им как отец, так было для них лучше. – И потом поменял тему: – Вы должны благодарить Бога, что шторм не испортил осеннего праздника урожая в церкви Святой Анны. Это было как благословение.

– Мартин ходил на церковный базар с Хетти, – сказала Эллен, – он купил новый поводок и щетку для Тэнзи. – Слабая улыбка промелькнула на ее бледном лице. – Папа был еще вполне здоров.

– Так и было, – отозвался викарий, улыбнувшись в ответ, – он был как кремень каждую весну в день Святой Троицы. Я всегда был рад с ним поговорить.

Как только позволили приличия, отец Джеймс поднялся и попрощался. Мартин проводил его до двери, еще раз поблагодарил, и священник вышел в ночь. Дождь опять прекратился, и только порывистый ветер сопровождал его на пути к дому.

Доктор Стивенсон снова поднялся в спальню к больному – священник оказался прав. У Герберта Бейкера был умиротворенный вид, он отходил в мир иной. И вскоре тихо умер в окружении детей. Дочь Эллен всхлипывала негромко, а сыновья смотрели в страхе, как отец сделал несколько отрывистых вдохов, потом словно шелест слетел с губ – и все было кончено. Викарий, сидя рядом, молился за душу Герберта Бейкера.

Похороны были устроены по всем правилам, и кучер Герберт Бейкер отправился к праотцам, сопровождаемый добрыми словами соседей: они знали его как честного, прямодушного человека без пороков, без особых талантов, за исключением преданности и верности.

* * *

Спустя неделю после похорон доктор Стивенсон поздним вечером вернулся к себе в старинный флигель и увидел у двери отца Джеймса.

– Приятная встреча! – обрадованно воскликнул Стивенсон. – Входите, только позвольте сначала налью себе выпить, а потом я к вашим услугам. Первый ребенок редко спешит

появиться на свет. Этот заставил нас ждать всю ночь и следующий день до вечера, так что я пропустил время завтрака и ланча.

Он вошел в дом, пригласив священника следовать за собой в кабинет. Там стоял запах смеси воска и дезинфекции, немедленно вызвавший у отца Джеймса приступ чиханья. Он поспешно вытащил из кармана платок и чихнул в него три раза подряд. Потом улыбнулся доктору, объяснив:

– Слышали бы вы меня в церкви, когда там натирают скамьи и исповедальную. Слава Богу, что кадило с ладаном меня не беспокоит.

Кабинет доктора был небольшой, стены приятного голубого цвета. Три стула для посетителей и одно удобное кожаное кресло для самого доктора располагались перед широким письменным столом. Отец Джеймс занял свое привычное место. Стивенсон достал бутылку спиртного, посмотрел вопросительно на священника, но тот отказался.

– Нет, благодарю. У меня еще один вызов к женщине, обладающей характером непредсказуемым и вспыльчивым. Если учует запах шерри, моя репутация будет поколеблена.

Стивенсон ухмыльнулся.

– Как же она тогда причащается у вас?

– Вино для причастия освящено, из винограда изгнан дьявол.

Доктор рассмеялся и налил себе шерри.

– Да, люди иногда удивляют своими причудами и странностями.

– Знаете, я пришел к вам именно по такому поводу, – сказал священник.

– О? Даже так? – Стивенсон отхлебнул из стакана, с удовольствием чувствуя, как тепло разливается по телу.

– Хотел спросить вот что – Герберт Бейкер был в здравом уме, когда позвал меня перед смертью?

– Бейкер? Ну, это было довольно странно, согласен с вами. Но он умирал от сердечной недостаточности, и его мозг не был затронут болезнью. Насколько я мог судить, он до конца сохранял ясную память. У вас есть причина сомневаться? – Доктор был доволен собой и предпочитал видеть в своих пациентах только хорошее.

– Нет. Но меня нечасто приглашают в дом, где живут прихожане мистера Симса. И наоборот. Тем более викарий уже был там, когда я пришел. Это было так необычно, что заставило меня над этим задуматься. Герберт Бейкер, на мой взгляд, был вполне адекватен, хотя, конечно, очень слаб физически, что понятно. Но кто знает, что движет людьми в последний момент жизни?

– Кстати, насчет поведения одной из ваших прихожанок, – вспомнил вдруг доктор. – Вы заговорили о людских странностях, и я подумал про нее, потому что как раз хотел поговорить с вами об этом. Дело в том, что эта женщина отказывается принимать пилюли, убейте меня, если я понимаю почему!

Священник улыбнулся.

– С ней действительно нелегко. Я могу предположить, что, как только наступает временное облегчение, она бросает их принимать. Потом снова начинает себя плохо чувствовать и поспешно глотает две сразу. У нее доброе сердце, но иногда отсутствует здравый смысл. Я бы посоветовал на вашем месте поговорить с ее мужем. Она прислушивается к его советам, он для нее как светило, вокруг которого она вращается.

Мужа, торговца скобяными товарами, считали самым мрачным человеком в Остерли.

Стивенсон рассмеялся:

– Она видит его глазами любящей женщины. Но надо что-то делать. Она серьезно больна и должна принимать эти пилюли. – Он посмотрел на вино, золотившееся в его стакане. – У меня был один пациент, он говорил, шерри – солнечный свет Испании, заключенный в бутылку.

Никогда не был в Испании. Мне трудно выкроить даже пару свободных часов. Но согласитесь, в вине видна игра солнца. – Он допил шерри и спросил: – Как там поживает ваша тройня?

Отец Джеймс просиял. Тройня родилась у его младшей сестры, они жили в другом городке.

– Сара справляется с помощью двух нянь, которых я нашел для нее, да и все члены семьи помогают. Я сам тоже как-то дежурил ночью, когда пришла моя очередь. Кажется, эти дети станут настоящим кошмаром годам к восьми. Их отец в двенадцать был чудовищем.

Стивенсон заметил:

– Разве мы не все таковы? Ответственность придет позже. И скорее, чем мы думаем.

Лицо священника смягчилось.

– Вы правы. Что ж, пойду. Вам нужен отдых, вид у вас такой, как будто вы в нем очень нуждаетесь.

Проводив до двери и глядя вслед отцу Джеймсу, Стивенсон подумал, что ему самому пригодился бы такой же совет.

Прошло две недели после похорон, и доктор давно уже выбросил из головы странное поведение Герберта Бейкера. В тот вечер доктор сопровождал жену в гости к друзьям. Это был обычный очередной совместный ужин, они часто собирались, у всех по очереди, и сами приглашали. Доктор всегда старался поддерживать необходимый энтузиазм в общении, насколько было возможно. В круг друзей входили восемь пар, он знал их давно. Им всем было привычно и уютно друг с другом, у них было много общего, хотя большинство можно было отнести к его пациентам. Жена доктора вместе с другими женами заседала во всяких женских комитетах. Они устраивали церковные базары, выставки цветов, организовывали сбор продуктов для бедных, весенние праздники, занимались благотворительностью, навещали больных, приветствовали вновь прибывших в Остерли и представляли собой особую группу избранных.

С чего начался разговор и кто его начал, доктор уже вряд ли мог вспомнить. Кто-то за столом задал вопрос, кто-то ответил, его жена подхватила тему, и вдруг он сам уже рассказывал о пациенте, который перед смертью решил в следующей жизни заручиться поддержкой и викария, и священника-католика.

– Это старик Бейкер? – спросил кто-то. – Моя жена видела, как отец Джеймс выходил из его дома в ту ночь, когда лило как из ведра. Он прощался с Мартином. Я сказал, наверное, она ошиблась – Бейкер шестнадцать лет был звонарем у Святой Троицы и верным ее прихожанином.

Ричард Куллен заметил:

– Но он проявил предусмотрительность, на всякий случай. Кто там сказал, что Париж стоит мессы?

Они заспорили, был ли это Генрих Четвертый или кто-то другой, и Герберт Бейкер снова был забыт.

Поздним вечером второго октября отец Джеймс вернулся в старинный готический особняк, предназначенный для настоятеля церкви Святой Анны. Он вошел через незапертую дверь в кухню, где, к его удовольствию, на столике у окна была оставлена гореть лампа, и одобрительно втянул носом запах жареного бекона. Заглянув в духовку, он увидел жаркое, приготовленное ему на ужин, и приоткрыл крышку – мясо успело немного подсохнуть, но выглядело аппетитно. Экономка, помощница по хозяйству, миссис Уайнер, всегда помнила, что человек нуждается не только в духовной пище. Рот священника наполнился слюной. Это было его любимое блюдо – бекон с луком.

Закрыв духовку, отец Джеймс устало выпрямил затекшую от долгого сидения у постели тяжелобольного прихожанина спину. Стул у кровати был слишком низкий и поза неудобной.

Он прошел по коридору мимо небольшой гостиной и музыкальной комнаты, которую превратил в приемную для прихожан. Священник уверенно передвигался в темноте, привычно ориентируясь в знакомой до мелочей обстановке. Достигнув передней, он услышал, как в гостиной начали отбивать время часы, и остановился, прислушиваясь и держась рукой за перила лестницы.

Чистые серебристые звуки боя напомнили ему дом, где он вырос, – эти часы были семейной реликвией. Вспомнилось прошлое: смех матери и отца, когда собиралась вся семья – дети у ног родителей слушали сказку на ночь, обязательный ежевечерний ритуал. Ему стало вдруг грустно и одиноко, он прожил жизнь холостяка. Марка убили на войне в боях при Сомме, Джудит умерла от испанки вместе с так и не родившимся ребенком. Зато Сара родила тройню, и теперь он радовался и ждал, когда веселые детские голоса и шумные игры оживят покой и тишину этого дома. Впрочем, им всего-то пока от роду три месяца. Он улыбнулся своим мыслям. Да, миссис Уайнер, благослови ее Бог, наверное, сразу уволится, когда здесь появятся трое шалунов.

Бой часов еще раздавался в тиши, когда он поднялся наверх, в свои комнаты. В кабинете было темно, но в спальне горела лампа. Он прошел туда, чтобы снять верхнюю одежду, положить сумку и вымыть руки перед ужином. Вернувшись в кабинет, слабо освещенный лунным светом, он не заметил темной фигуры, застывшей в глубокой тени у стены, где стоял небольшой алтарь. В лунном свете на мгновение на груди священника сверкнула золотая цепь. Заметив, что шторы не до конца задернуты, отец Джеймс подошел, чтобы их задвинуть. Он поднял руку, чтобы потянуть тяжелую бархатную портьеру, справился с одной половиной и хотел задвинуть вторую, когда темная фигура отделилась от стены и мгновенно оказалась за его спиной. В руке у незнакомца было тяжелое распятие, которое всегда стояло на алтаре между двух высоких тонких подсвечников. Распятие взметнулось вверх и с силой опустилось на лысую голову, в бледном свете луны казавшуюся неестественно белой, как будто с тонзурой. Удар пришелся в цель, священник охнул и стал оседать на пол, как бесформенная куча старой одежды. Распятие снова взметнулось, сверкнув в свете луны, и опустилось второй раз. Тело с неприятным стуком ударилось об пол, но тем не менее последовал и третий удар по окровавленному черепу.

Потом темная фигура отступила, распятие выпало из руки в перчатке. И убийца принялся методично и не спеша крушить все вокруг.

На следующее утро прибыла полиция, вызванная обезумевшей от горя и ужаса миссис Уайнер. Полицейские отметили нетронутый ужин в духовке, темную лужу крови у головы священника, тело которого лежало около окна, и полный разгром в комнате – весь пол был забросан бумагами, ящики столов выдвинуты и опустошены. Жестяная коробка, где хранились деньги, вырученные от церковного базара, была вскрыта ножницами, содержимое исчезло. Напрашивался вывод, что отец Джеймс вернулся домой и подвергся нападению грабителя, а значит, был случайной жертвой, *а не целью*.

Вероятно, грабитель орудовал в спальне, и священник, услышав шум, поднялся наверх, а когда понял, что происходит, поспешил к окну, чтобы позвать на помощь соседей, ведь рядом жила большая семья и было много взрослых мужчин. Секундное дело – отодвинуть задвижку, поднять раму и крикнуть. Но грабитель уже заметил его из спальни, смежной с кабинетом, и, схватив первое, что попало под руку, – а именно распятие, ударил сзади священника по голове, чтобы его остановить. Потом сам испугался содеянного и, чтобы окончательно замести следы, нанес еще два удара и убежал, прихватив деньги. В кустах сирени на мокрой земле нашли отпечатки ботинка – один каблук был стоптан, на подошве – дырка. Из чего следовал еще один вывод – преступление совершил какой-то отчаявшийся бедняк.

Но, как нарочно, соседский дом, обычно набитый шумными обитателями трех поколений, в эту роковую ночь стоял пустой – вся семья уехала в Восточный Шерман, чтобы позна-

комиться с девушкой, на которой собирался жениться один из сыновей. Вряд ли вор мог это знать.

Впрочем, если бы соседи были дома и поспешили на помощь, у грабителя все равно хватило времени забрать деньги и скрыться. Хотя кто-то из них мог его увидеть и дать потом описание.

Жители Остерли, независимо от того, были они прихожанами отца Джеймса или нет, все без исключения были потрясены случившимся. Они собирались небольшими группами, качали головами, обсуждая ужасное кровавое преступление, и все отказывались верить, что такое могло произойти. Слишком необычным и страшным было убийство настоятеля церкви Святой Анны. Многие женщины плакали, их глаза покраснели от слез. Детей усмирили, отослали по комнатам, не отвечая на их вопросы. Какое злодейство – убить священника! Ничего подобного не случалось даже в далеком прошлом Норфолка и уж конечно на памяти живых. Зато теперь об Остерли заговорит вся Восточная Англия.

Мистер Симс занимался теперь не только своими прихожанами, но и прихожанами отца Джеймса, в ожидании замены, которую должен был прислать епископ из Нориджа. Он выслушивал каждого, снова и снова, каким хорошим и добрым человеком был отец Джеймс, как всем помогал, в том числе и деньгами. Кто и зачем убил такого человека?

По городу поползли слухи, все стали коситься друг на друга, охваченные общей подозрительностью. Но постепенно люди стали приходить к выводу, что убийца не мог жить среди них, скорее всего, он откуда-то пришел. Исключено, что это мог сделать кто-то из местных.

Мистер Симс подумал, что, возможно, вернувшись домой, отец Джеймс застал там грабителя, увидел его и узнал, тот испугался, что священник не сохранит тайну, и убил из страха быть выданным.

Нанеся удар, он осознал, что произошло, и ударил еще и еще, чтобы заставить отца Джеймса молчать наверняка. Пока не найдут убийцу, невозможно угадать, что в действительности происходило той ночью.

Симс пытался сделать вид, что не замечает, какие вымыслы охватили город. Но и сам не мог не думать о том же. Человеческая природа у всех одинакова. Оказывается, он не отличался от своего соседа ничем.

Он был на войне и знал, что человек из страха может убить. Убить, чтобы остаться жить самому. Там убивали и воспринимали это как зло, неизбежное для окопов. Может быть, и тот, кто напал на священника, тоже бывший солдат, настолько ожесточившийся, что ему было все равно, чью жизнь он забрал.

И самое страшное, что один житель Остерли вполне подходил под этот критерий. Но Симс пытался не думать об этом, особенно о том, что убийца может убить снова.

Викарий всячески гнал грешные мысли, он не имел права сомневаться. Даже солдат, много убивавший, не сможет поднять руку на священника!

Убийца взял деньги приходской кассы, но насколько их хватит, прежде чем он снова выйдет на охоту? В ту ночь, впервые за девять лет своего пребывания в Остерли, викарий запер на ночь двери. Дом стоял за высокой стеной, перед обширной лужайкой, окаймленной деревьями, такими древними, что они видели не одно поколение его предшественников. Викарий гордился, что продолжает их дело служить церкви. Сейчас дом казался огромным, а его уединенность казалась пугающей и напоминала об опасности и уязвимости.

Он уговаривал себя, что поступает правильно, запирая двери своего дома, – предосторожность не помешает. Но его не покидало сожаление и горечь при мысли, что даже сан и одеяние священнослужителя больше не являются защитной броней, и клирик так же подвергается опасности, как простой прихожанин.

Глава 2

Лондон, октябрь 1919 г.

Бреясь утром, Ратлидж порезался и негромко выругался.

Его сестра Франс, сидевшая у окна на обтянутом цветным ситцем стуле, поморщилась, но ничего не сказала. Когда он снова выругался, она не смогла сдержаться.

– Дорогой, разве обязательно скоблить свое лицо самому? Может быть, позволишь это сделать мне? Наверняка я лучше с этим справлюсь. – Она старалась говорить легко и непринужденно, чтобы его не раздражать.

Но он покачал головой:

– Если я собрался вернуться на службу, то должен все делать сам.

Ратлидж получил увольнение после недавнего ранения и находился дома до полного выздоровления. День тащился за днем, они были похожи как две капли воды.

Ратлидж не выдерживал, ему казалось, что он скоро сойдет с ума.

Франс посмотрела на повязку на его груди, на все еще бездействующую руку, прижатую к телу.

– Почему Ярд позволяет тебе вернуться, хотя ты еще не поправился? Ведь существуют же какие-то правила. Ты с трудом справляешься с пуговицами рубашки, я помогаю тебе надеть ботинки. Разве полуодетый полицейский пригоден для службы, разве он полноценный представитель закона?

– Заткнись, Франс!

– Ну да, я понимаю, что тебе неприятно слышать, когда я упоминаю об этом. Но прости, ты, по-моему, действуешь поспешно и непродуманно.

Он отложил бритву, сполоснул лицо водой и потянулся за полотенцем, при этом уронив бритву на пол. На этот раз он тоже выругался, но уже про себя.

Хэмиш тут же вмешался, как всегда активизировавшись, когда Ратлидж давал волю гневу: «Ты совершаешь безумие, а думаешь, что подвиг».

Ратлидж отозвался вслух:

– Я сойду с ума окончательно, слоняясь изо дня в день по этим комнатам.

Это могло послужить ответом обоим.

Франс поняла брата по-своему.

– Но ты можешь посидеть в саду, ведь погода уже позволяет, или пройтись, что тебе мешает?

Она привезла его из госпиталя и наняла сиделку на первое время, а потом взяла на себя обязанности одевать, раздевать его и терпеливо выносить все его замечания и брань. Приходилось терпеть – с раненым тигром всегда трудно. Она навсегда запомнила, как испугалась, когда приехала за братом и увидела его в первый раз. Ее охватил страх, что она не довезет его живым до дома, так он был плох. Она только начала привыкать, что война закончилась, он остался жив. После четырех лет кровопролитной бойни. Она думала, что, хотя работа в полиции несет определенный риск, полицейских все-таки не убивают. Не должны убивать.

Она старалась быть терпеливой, сдерживалась, прощала.

Ратлидж понимал невысказанную тревогу сестры и ее усилия удержать его как можно дольше у себя дома и не хотел ее обижать заявлением, что ему будет лучше в своей квартире, где он может ругаться сколько угодно, расхаживать по ночам или просто сидеть с закрытыми глазами и пережидать приступ. Ему пора начинать самому о себе заботиться.

Он поднял бритву и ухмыльнулся:

– Франс, ты самая выдержанная женщина из всех, кого я знал, тебе нет равных, ты умеешь справиться с трудной ситуацией. Но поверь, сейчас мне уже хочется побыть без свидетелей собственной слабости.

Сестра улыбнулась:

– Отец был такой же. Когда он болел, ему хотелось заползти куда-то в нору и там отси- деться, подальше от всех, пока не станет легче. Маму это доводило до отчаяния. – Ее улыбка угасла. – Но вернуться на службу, разумно ли это сейчас?

Ратлидж посмотрел на нее. Франс мало знала о том, что ему пришлось пережить на войне. Кое-что он рассказывал, но далеко не все. Она знала, что его контузило взрывом снаряда. Вот только понятия не имела о его душевных страданиях, о том, что он принес с собой с Западного фронта живой голос мертвого человека – капрала Хэмиша Маклауда. Не знала, что это такое – дать приказ расстрелять человека или послать измученных людей снова в атаку на верную смерть. Не видела все эти полуразложившиеся трупы, не знала, каково это – видеть, как раненый друг умирает на твоих глазах, крича от боли. Ничто не смоеет память об этом. Она заперта в его мозгу, как в бутылке, вся эта кровь, жестокость и смерть.

Не знала Франс и о его ночных кошмарах, которые днем мозг пытается запрятать подальше, чтобы держать демонов, завладевших памятью, взаперти, иначе, освободившись, они убили бы его.

На вопросы друзей: «Ну, расскажи, как там было, на войне?» – он подыскивал исто- рии, для каждого свою, в зависимости от того, кто спрашивал. Иногда отшучивался, внося юмор в рассказы о непролазной мокрой грязи окопов, вроде того, как надо было исхитриться побриться в таких условиях, чтобы маска от противогаза прилегала плотно к лицу. Рассказы- вал он и о подвигах, свидетелем которых становился, или о самоотверженности медсестер. А еще о фронтовой дружбе. О братстве людей, которых сближала война, несмотря на различное происхождение и убеждения, и которые не имели и не могли иметь ничего общего в мирной жизни. Но полной правды – никогда и никому, только частично и выборочно. Ему казалось, так будет лучше для всех.

«Ты сам себе придумал свои страдания, это не раны войны», – напомнил ему Хэмиш.

Вынужденное заключение дома после служебного ранения оживило эти воспоминания, они воскресли и сделали его уязвимым. всплыло в памяти все, что он пытался поглубже запрятать, воспоминания выползали, несмотря на его сопротивление, и снова толкали в пучину отча- яния, безнадежности, с которыми он так долго боролся. Отстраненный от работы, которая поз- воляла забыть о прошлом, когда он валился с ног от усталости и мог спать без сновидений, Ратлидж снова оказался беспомощным перед воспоминаниями. Служба требовала постоянной сосредоточенности, умирала Хэмиша, загоняла его голос в глубину мозга и удерживала там какое-то время, так что Ратлидж даже мог немного побыть в мире и согласии с собой.

«Это было до Шотландии», – напомнил тут же Хэмиш в ответ на его мысли.

До Шотландии... Эти слова рефреном звучали в его голове день и ночь последние три недели. Сделав над собой усилие, он отогнал Хэмиша и сказал сестре как можно беспечнее:

– Знаешь, в работе есть спасение. Заваленный бумагами стол, неотложные дела отвле- кут и помогут мне скорее прийти в норму. Я отстранен докторами от работы временно, а не приговорен как навсегда нетрудоспособный. Все заживет и в свое время. Все равно осталось несколько дней до моего официального выхода.

Франс была одной из тех редких женщин, которые знают, когда остановиться. Она пони- мала, что дальше убеждать бесполезно.

– Ладно, иду на компромисс. Договоримся так: ты сам завтракаешь и обедаешь, но вече- ром приходишь ко мне на ужин. Таким образом, я буду спокойна, что ты все-таки раз в день питаешься нормально. Посмотри, какой ты худой...

Но не отсутствие аппетита, как было сейчас, и не неправильное питание до ранения, когда он вообще забывал поесть, делало его худым. Причины были другие. И главная – Хэмиш. Война. Невозможность забыть послевоенную Англию, переполненную ранеными и инвалидами войны. Они выжили в окопах и лишениях, но теперь не знали, радоваться ли им, что остались живы, когда видели, как люди смущенно отводят от них глаза. Людям не хотелось вспоминать войну, они не знали, что сказать этим инвалидам. Война кончена. Все старались о ней забыть. Но как быть с лесом крестов в полях Фландрии? И с теми человеческими обломками, с которыми не известно что делать. Он сам видел их на улицах – без рук, без ног, слепых, отравленных газом, непрерывно кашляющих. Он представлял себя на их месте и, хотя сам вернулся целым, разделял их горе. Он видел, как каждое утро один такой бедолага, опираясь на свои култышки, пытается пробраться сквозь толпу. Был еще один, предпочитавший ходить по ночам из-за обезображенного ожогами лица, которое устал днем прятать под шарфом. Наверное, сбитый пилот.

А сам он пережил не только войну, но и Шотландию.

«Придется пережить. Я не дам тебе умереть», – отозвался Хэмиш.

Отгнав мысли о войне, Ратлидж согласился ужинать у сестры. Перспектива быть на ногах целый день его самого пугала – выдержит ли он? Но надо же начинать, и чем скорее, тем лучше. Главное, это хотя бы приструнит Хэмиша с его Шотландией.

Ратлидж не желал думать о Шотландии.

Она преследовала его, пока он выздоравливал после ранения. Она завладевала всеми его мыслями. Она особенно мучила, когда он задыхался в поту от боли в самые темные ночные часы, когда физические силы находились на самом нижнем пределе.

При слове *Шотландия* в памяти возникали фразы, лица, звуки волюнок, проливной дождь, промокшая насквозь одежда. Так было в минуты слабости, когда некуда деваться и не остается ни сил, ни воли к сопротивлению, когда боль становилась особенно нестерпимой и он скрывал ее, чтобы доктор не увеличил дозу лекарств, узнав о его страданиях.

Он не хотел возвращаться в Шотландию. Слишком много шотландцев полегло на фронте, в окопах, он сотнями посылал их под пули, которые косили их на нейтральной полосе. Прямо под пулеметные очереди, бесчеловечно и безжалостно. Они падали, кричали от боли. И он шел по лужам крови тех, кто не мог подняться, их последние слова и вина за их смерть жгла раскаленными угольями его совесть. Но Ярд не спрашивал его согласия, командировав его в Шотландию. Почти месяц прошел с той поездки. И сейчас не хотелось вспоминать об этом.

На его столе лежали письма крестного – Дэвида Тревора, жившего недалеко от Эдинбурга. Нераскрытые.

Он не хотел их читать, по крайней мере, до тех пор, пока окончательно не придет в себя, не вернется в Ярд, и работа займет все его мысли и время, навязав другие проблемы. Он не хотел знать, чем там все закончилось. Иногда ночью молился, чтобы все это оказалось лишь сном. И лгал самому себе, повторяя – *я должен был остаться*.

Хэмиш день и ночь напоминал ему об этих письмах, но Ратлидж игнорировал этот голос, доводивший до головной боли. Когда он поправится, *совсем поправится*, он их прочтет. Будь проклят Хэмиш!

И будь проклята Шотландия!

Увидев, как смотрит на него Франс, он поспешно отогнал мысли о Шотландии и вернулся в реальность, пока сестра не стала спрашивать, о чем он думает.

Кроме всего прочего, Ратлидж не хотел признаться даже самому себе, что она права. Он и сам не представлял, как будет жить один, ведь он не сможет справляться с одной рукой на перевязи, особенно на кухне, это еще труднее, чем держать бритву. А Франс с удовольствием готовит для него, она просто счастлива, хотя притворно сердитая и ворчит, что он похож на пугало.

– Давай-ка помогу тебе с галстуком. А потом мне надо бежать, я приглашена сегодня в гости, но мне нечего надеть и придется пройтись по магазинам. – Сестра улыбнулась и, подойдя к шкафу, открыла дверцу и выбрала галстук. – Вот этот, по-моему, вполне подойдет к твоему серому костюму.

Старший суперинтендент Боулс был не в восторге от появления Ратлиджа. Он его всегда терпеть не мог. Даже мечтал, чтобы Ратлидж умер от заражения крови. И намекал сослуживцам, что инспектор очень глупо подставился под пули, тем самым показав свою некомпетентность. Но для старшего суперинтендента оставалась надежда, что инспектора подстрелят снова, и на этот раз пуля найдет цель наверняка.

Уже шли разговоры о повышении Ратлиджа. Боулс всячески его оттягивал, приговаривая: «Слишком быстро. Он еще не проработал в Ярде после возвращения и полгода. Дайте человеку встать на ноги!»

Поприветствовав Ратлиджа с фальшивым энтузиазмом, Боулс сразу усадил его за разбор отложенных судебных дел. По крайней мере, не свалится в обморок где-нибудь на улице, занимаясь расследованием. Бумажная работа в офисе не столь обременительна. Боулс так начальству и сказал: «Подождите, пока человек поправится. Тогда и примется за настоящую работу».

Ратлидж вообще-то пока ничего не имел против бумажной работы. Разборка дел и отчет по каждому документу требовали сосредоточенности, Хэмиш вынужден будет временно заткнуться. Хотя, безусловно, это нудное занятие.

Второй задачей было укрепление физической формы. Мышцы нуждались в восстановлении и нагрузке. И Ратлидж начал каждодневные пешие прогулки. Чтобы позавтракать, шел в паб, выбранный только потому, что был расположен через несколько улиц от Трафальгарской площади. Ланч – в другом пабе, на одной из улиц недалеко от Тауэра. Он делал большой круг, который приводил его обратно на набережную Темзы. Франс, наивно полагавшая, что брат пользуется метро, ничего не говорила, когда по вечерам видела перед собой его серое от усталости лицо. Но одна мысль, что надо спуститься под землю и находиться там долгое время зажатым в тесной толпе, вызывала холодный пот. Ратлидж не забыл еще, как был засыпан землей и похоронен заживо.

Когда он вышел на работу в Ярд в первый день, его ноги подкашивались от слабости, но он заставил себя подняться по лестнице через две ступеньки по давней привычке. Даже в уик-энд он не хотел сидеть дома и отдыхать. На третий день он уже мог идти по улице, не представляя опасности для городского транспорта, в такой же степени, как и городской транспорт для него. На пятый, после обеда, он почувствовал, что дыхание становится глубже, и он мог уже отдышаться настолько, что даже начал замечать, что происходит вокруг. Его ноги снова слушались. Они больше не пугали возможностью в любой момент подкоситься, что его раздражало больше, чем рука на перевязи.

Посередине Уайт-Холл был сооружен Мемориал павшим, и перед тем, как вернуться в Ярд, Ратлидж решил его осмотреть. Целью создателей, видимо, была простота мемориала, но он показался ему неубедительным и не отражал в полной мере кровь, сотни тысяч погибших и множество разрушенных судеб. Удрученный, Ратлидж повернул к церкви Святой Маргариты, постоял на углу Бридж-стрит, глядя на Большого Бена и на голубей, кружившихся в небе. Не хотелось возвращаться в тесный, пыльный, плохо освещенный кабинет, и он решил пройтись по мосту через Темзу.

Хэмиш молчал. Впрочем, его все равно нельзя было бы расслышать из-за ветра, шума начавшегося дождя и шелеста шин проезжавших по мосту машин.

Миновав церковь, Ратлидж услышал позади веселые громкие голоса, которые привлекли его внимание. Он обернулся. Молодые женщины в элегантных черных костюмах ждали

подругу на ступенях церкви. Она только что вышла из подъехавшего автомобиля, помахала рукой и начала подниматься по лестнице. Ветер подхватил и взметнул подол ее пальто.

Он узнал походку прежде, чем услышал ее голос, весело зовущий подруг. Это была Джин...

Она присоединилась к группе, слышались новые восклицания, смех – на мгновение он увидел в бледном свете ее лицо, перед тем как они вошли в церковь. Щеки ее были розовыми от радостного волнения.

Ее свадьба состоится в церкви Святой Маргариты через две недели.

Ему сказал об этом Джейсон Уэбли, который навестил его в госпитале в конце сентября. Помявшись, Джейсон спросил:

– Слушай, старик, не знаю, слышал ли ты уже? Джин назначила дату венчания в конце следующего месяца. – И, помолчав, добавил: – Она пригласила Элизабет на свадьбу. Элизабет спросила у меня, что делать, и я сказал, что, наверное, ты не стал бы возражать.

– Нет, конечно, – солгал Ратлидж.

На самом деле его это расстроило и задело, но не потому, что он завидовал счастью Джин, а потому, что она нанесла ему глубокую рану, отняла у него кусок жизни. Он помнил тот день. Примерно семь месяцев назад, когда она сообщила ему, в очередной раз дежуря около его постели в госпитале, что хочет разорвать помолвку. Он видел страх в ее глазах – страх оказаться на всю жизнь привязанной к инвалиду. Он еще был плох, молчалив, опустошен, весь в плену ночных кошмаров, которых ей было не понять, и она думала, что он никогда не станет прежним. И придется строить семейную жизнь на жалости, а не на любви. Хэмиш сказал: «Она сбежала».

Это действительно было похоже на бегство. Но Ратлидж не ожидал такого предательства, как не ожидаешь внезапной пощечины. Ему нужен был уход, доброта, понимание, чтобы началось постепенное возвращение к жизни. Джин не могла выбрать момент хуже – сказать человеку, что порывает с ним, человеку, которому клялась в любви и верности. Хотя бы подождала недели две или месяц. Утешала бы и обнимала из простого милосердия, даже если ее слова уже были ложью.

Она выбежала из палаты с нескрываемым облегчением, что сбросила эту ношу, благодарная, что он ее отпустил. А к августу обручилась с дипломатом и уже предвкушала жизнь в Канаде, где ее будущий муж получил пост.

Ей хотелось жить счастливо и безоблачно, вдали от последствий войны, забыв о ее ужасах, как будто они были лишь плохим сном. «Пустышка, – говорила о ней Франс. – Женщина, которая никогда не сделала бы тебя счастливым».

Глядя на церковь, в которой она только что исчезла, он подумал, что, несмотря ни на что, ему повезло, что он не женился на ней тогда, в золотистом угаре 1914-го, когда война казалась лишь романтическим приключением, связанным с подвигами и славой. Она так уговаривала его сыграть свадьбу, он был красив в новенькой форме, ей кружили голову нашивки и возможность обвенчаться с героем, отправлявшимся на фронт. Но разум подсказал ему, что она слишком молода и хороша собой, чтобы неожиданно оказаться вдовой...

Он думал, как бы складывались их отношения в течение тех семи месяцев, когда, наконец, его выписали из госпиталя и он все еще находился в плену своих кошмаров и физической немощи. Кончилось бы тем, что, в конце концов, они возненавидели бы друг друга. И тогда, возможно, она пожалела бы, что пуля, полученная им в Шотландии, не прикончила его, дав ей свободу и положив конец мучениям.

Хэмиш заметил: «Ей идет черное».

Она мужественно выдержала шепотки за своей спиной, разговоры о потерянной любви, которой никогда и не существовало.

И все же он испытал мимолетное чувство утраты, когда увидел, как она исчезает в дверях церкви. Она не почувствовала ни его взгляда, ни направленных на нее мыслей. Она не заметила его присутствия и не обернулась. И он вдруг почувствовал себя совсем одиноким.

К концу недели успехи были значительными. Теперь он выгодно отличался от того инвалида, который сыпал проклятиями, роняя из рук бритву на глазах сестры. Боль в груди и плече стала не такой острой, перешла в тупую, ноющую, и ее можно было терпеть и не думать о ней постоянно. Он уже по нескольку часов мог обходиться без перевязи, поддерживавшей руку, хотя повязка на груди еще не была снята.

«Еще неделя, – думал он, – еще неделя, и я буду снова в форме».

Ужины у сестры становились все реже, несмотря на всю любовь к ней, специально приготовленные к его приходу разнообразные блюда, на ее сдержанное, тактичное поведение – она не задавала вопросов, хотя они сами собой напрашивались. Конечно, она беспокоилась за него. И вероятно, ей было трудно улыбаться и скрывать свою тревогу. Иен прекрасно понимал ее еще и потому, что перед войной было все наоборот – именно он беспокоился о сестре. И прекрасно видел теперь все скрытые знаки ее беспокойства. Как она тщательно избегает трудных тем в разговоре – того, что случилось в Шотландии; приближавшейся свадьбы Джин, встреч с заждавшимися друзьями. Он достиг уже того состояния, когда совместные ужины становились в тягость. И стал избегать их, потому что в любой момент мог сболтнуть лишнее, просто чтобы не молчать в ответ на невысказанные вопросы сестры. Например:

– Слушай, я сам знаю, что Дэвид недоумевает, почему я ему не отвечаю. Но пока я еще не могу читать его письма, и не спрашивай почему. Мне тяжело их читать. А что касается Джин, я желаю ей счастья, и мое сердце вовсе не разбито. Да, я одинок, но мне пока не хочется встречаться с дюжиной твоих друзей и подруг. И ради бога, оставим это!

Хэмиш напоминал: «Но ты и сам плохая компания, тем более для новой подружки. Возьми да и напейся, сразу станет легче!»

Совет был неплох.

Но в пятницу появились дела поважнее, напиться не удалось. Старший суперинтендент Боулс после консультации с полицейским врачом сделал выводы и пошел к Ратлиджу.

– Есть одно дело, которое очень беспокоит епископа. Убили одного из его священников. Католический священник убит в провинции Норфолка, в Остерли.

– Священник?

Ратлидж был удивлен. Хотя в глазах закона убийство священника не отличалось от убийства продавщицы или лавочника. Приговор один – виселица. Но в глазах общества человек, облаченный в сутану, защищен уже своим саном. Он не должен и не может стать жертвой нападения.

Хэмиш напомнил, что когда-то священников сжигали на кострах. Но это были другие времена. А сейчас на дворе 1919-й.

Боулс покачал головой.

– Эта война смешала все понятия, – сказал он, сев на своего излюбленного конька. – Что могло хорошего получиться, если женщины делали мужскую работу, а это противоестественно. Низы общества вдруг вообразили себя равными с верхами. Еще не такое увидим. Общество расколото, большевизм гуляет на свободе. И вот теперь убили священника.

Он взглянул на бумагу, которую держал в руке.

– Убит собственным распятием, которое стояло на алтаре в его доме при церкви Святой Анны. Местная полиция не поймала негодяя, пока не поймала. Вполне вероятно, это сделал какой-то ненормальный или грабитель. Епископ удручен, можно понять, почему он хочет помощи Ярда.

– Что мог искать грабитель? – спросил Ратлидж. Для ограбления, безусловно, имелись более привлекательные места, ведь всем ясно, как бедны приходы в тяжелые послевоенные годы.

– Там была небольшая сумма, собранная во время церковного базара на осеннем празднике урожая. А это означает, что о деньгах знали все на мили вокруг и что они находятся в доме священника.

– Это расширяет границы поиска, – согласился Ратлидж. – У священника есть экономка? Как случилось, что она не заметила грабителя?

– Она уже ушла, закончив все дела. А сам священник должен был в это время быть в церкви на исповеди, но оставил уведомление, что его вызвали к постели умирающего, поэтому он будет позже. И грабитель решил, что у него масса времени. Но случилось так, что отец Джеймс, вернувшись, пошел не в церковь, а прямо в дом, поднялся в свой кабинет. И грабитель запаниковал. К сожалению, такое часто случается и может произойти с любым домовладельцем.

Действительно, такое случается.

– Пришло сообщение от главного констебля Норфолка с просьбой послать из Ярда человека, но это будет скорее политический шаг. Показать наше участие, встретиться с епископом и взглянуть на место происшествия. Вы поговорите с епископом или с его помощником, убедите его, что местная полиция действует правильно, и, когда он будет уверен, что все возможные шаги предприняты, вернетесь в Лондон. Меня информирует местный инспектор Блевинс, о нем хорошо отзываются, он вполне компетентен, у него прекрасная репутация человека с головой. Дело займет несколько дней, не больше. Кстати, погода в октябре там стоит хорошая.

Ратлидж вспомнил, что погода там в это время сырая, но ничего не ответил.

Хэмиш сказал: «Хорош отпуск. Смотри, чтобы этот человек не подставил тебя. А главное, он не хочет держать тебя в Лондоне».

«Скорее всего, хочет отвлечь внимание на меня, чтобы у Блевинса были развязаны руки и он воспользовался ситуацией», – подумал Ратлидж.

Хэмиш хмыкнул: «Как уже было в Шотландии?»

Боулс тем временем продолжал:

– Если выедете сейчас, будете на месте уже сегодня вечером. Есть вопросы? – Он кивнул на множество бумаг, разложенных на столе Ратлиджа. – Этим займется Паркер.

– Я уже почти все закончил. Собирался передать сержанту Уильямсу. Он знает, что в какую папку положить, а что передать офицеру, ответственному за расследование.

– Пришлю за ними Уильямса. Есть поезд в десять тридцать. Можно успеть, если поспешите. – И Боулс в ободрительной улыбке ощерил зубы, напомнив крокодила. У Боулса заодно были такие же немигающие желтые глаза.

– Очень хорошо. – Ратлидж встал, взял у шефа бумаги, сунул их под здоровую руку и пошел открыть ему дверь.

– Докладывать вам по телефону?

– Нет необходимости. Это просто визит вежливости, вам не придется самому там работать.

Доктор Флеминг снял повязку с груди Ратлиджа, осмотрел рану, потыкал и пощупал – эти манипуляции заставили пациента поморщиться, и кивнул, удовлетворенный результатом:

– Вам дьявольски повезло. Инфекция не проникла глубоко. Но все-таки не помешает пока заклеить пластырем. Меры предосторожности не будут лишними. Как самочувствие?

Ратлидж взглянул вниз, на неровный выпуклый красный шрам.

– Могу дышать почти свободно, но не смогу противостоять и шестилетнему ребенку.

Флеминг хмыкнул:

– И не надо. Постепенно восстановитесь. Все будет хорошо, не надо волноваться. Что касается руки, то не поднимайте первое время ничего тяжелого, не давайте ей большой нагрузки. За двадцать лет своей практики я знаю, что Природа – самый лучший целитель, надо только ей дать шанс. Наша ошибка в том, что мы этого не понимаем и частенько не даем ей этого шанса.

Ратлидж знал, что это любимая сентенция доктора Флеминга.

– Поездка несерьезная, – заверил он врача.

– Кого пытаетесь обмануть? Я бы на вашем месте ехал поездом. Для мышц груди поездка за рулем будет преждевременна и затруднительна.

Но Ратлидж покинул Лондон на своем автомобиле. Последствия шока и клаустрофобия все еще не прошли. Он не мог представить себя сидящим в битком набитом людьми поезде, упираясь в колени соседей напротив. Могло кончиться конфузом – не исключено, что он вскочил бы и заорал, чтобы дали воздуха.

К тому времени, как он достиг Нориджа, грудь так болела, что он вспомнил про мать Природу. Хэмиш ему тут же попенял, что он сам виноват, не воспользовавшись советом доктора.

Ратлидж нашел отель на окраине города и остался отдохнуть на ночь, понимая, что вечернее оживленное движение по улицам не для него. Хэмиш, который всю дорогу изводил его, наверное, тоже утомился и за ужином притих.

Ратлидж буквально валился с ног от усталости и сразу уснул. Хэмиш никогда не преследовал его во сне – его голос звучал лишь в часы бодрствования, как горькое напоминание о кровавых событиях на Сомме в 1916-м, где погибли не сотни и даже не тысячи, а сотни тысяч. Ими пожертвовали, бросая в атаку за атакой. Да и он сам был погребен заживо, засыпан землей при попадании снаряда, но его спас запас воздуха, который был в одежде мертвого человека, упавшего на него сверху. Потом ему повторяли вновь и вновь, что именно капрал Хэмиш Маклауд спас ему жизнь. Кровь, запекаясь коркой на лице и руках капрала, была свидетельством расстрела из английских ружей, а не вражеских, и именно Ратлидж отдал приказ его расстрелять, что произошло прямо перед тем, как вражеский снаряд накрыл их атакующий клин. Шок и контузия были так велики, что Ратлидж не мог сразу ответить, что капрал был расстрелян за неподчинение приказу в ночь перед наступлением.

Ратлидж промолчал, но память и голос Маклауда отныне преследовали его постоянно. Людей послали в атаку, не дав отдыха, а его поставили перед выбором: либо сохранить жизнь человека, либо исполнить служебный долг. Все происходило перед усталыми, измученными солдатами, которые не отказались выполнить приказ и подняться из окопа на верную смерть. Хэмиш был расстрелян, но погибли и все остальные. Три года спустя Ратлидж все еще не мог избавиться от чувства вины.

Она глубоко въелась в его плоть и кровь, в его душу. Стала его второй натурой.

Он потом воевал еще два года, несколько раз упрямо и целенаправленно рисковал жизнью, шел на пулеметное гнездо, из которого лился свинцовый дождь, во весь рост поднимался в атаку. Он искал смерти – и вышел невредимым, без царапины на теле, но с надломленной психикой.

Снова и снова его награждали, называли героем, ведь он не боялся смерти.

В этом заключалась горькая ирония судьбы.

Глава 3

На следующее утро Ратлидж шел по улицам Нориджа, разыскивая нужный адрес. Это был небольшой дом за новой католической церковью, который казался гораздо старше, чем дома по соседству. Мрачное викторианское здание с остроконечной крышей, казалось пронзавшей низко бегущие облака. За домом небольшой сад. Ратлидж шел под мелким морозящим дождем, серым туманом окутавшим землю. На деревянной табличке золотыми буквами было выведено «Приемная Епископата». Он приподнял дверной молоток в виде огромного латунного кольца, отпустил, и раздался устрашающий адский стук. Ратлидж огляделся по сторонам в ожидании, когда ему откроют. Несколько рабочих стояли в яме у дороги, лопатами выкидывая наверх зловонные комья мокрой земли из неисправного канализационного коллектора. Вокруг собрались мальчишки и с любопытством заглядывали в яму. Прохожие отворачивались и прятали носы в платки. На углу стояли две женщины, увлеченные разговором, подолавы их юбок были такими же темными от дождя, как зонты над их головами. Мужчина, который проходил мимо сточной канавы с собакой на поводке, с силой потянул ее прочь, когда она остановилась, пригнувшись. Никто не обращал внимания на человека, стоявшего в ожидании у двери ректория. Дождь, все усиливаясь, делал свое дело, разъединяя людей и заставляя спешить по домам.

Хэмиш, чьи предки были ярыми последователями Писания и передали ему эту веру, был напуган перспективой войти в это гнездо папизма и идолопоклонства, что рассмешило Ратлиджа, и он заверил шотландца, что его душа в полной безопасности.

«Ну да, откуда тебе знать, ведь твоя англиканская церковь немногим лучше этой!»

Дверь открыла экономка, ее рыжие волосы были седыми у корней, лицо в веснушках, что говорило об ирландской крови. Она окинула визитера взглядом с ног до головы и, когда он назвал себя, спросила:

– Вы больны?

Ратлидж улыбнулся.

– Я по официальному делу.

– Тем не менее вы выглядите так, что вам необходима чашка чая. Бедный епископ тоже еще не завтракал, все пишет отчеты. Входите же.

Она приняла у него пальто и шляпу, пощелкала языком, с сожалением глядя на промокшую материю, и аккуратно повесила пальто на стул, чтобы просушить. Потом повела инспектора по коридору в самый конец. К немалому удовлетворению Хэмиша, в коридоре не было ниш с изображениями святых, как и *отвратительного* запаха ладана, чего он опасался. Только небольшое распятие над входом – и больше никаких признаков, что здесь могут претендовать на чью-то душу.

Открыв дверь в комнату в глубине коридора, экономка пропустила Ратлиджа вперед. За окнами, выходящими в сад, лил унылый серый дождь, от этого краски дня поблекли. С небольшого персикового дерева стекали струи воды. В комнате у дальней стены стояло высокое бюро с распахнутыми дверцами и заваленной бумагами наклонной столешницей для письма, там же – стол и удобные кресла, повернутые к неяркому свету, проникавшему из окон. В одном из них с раскрытой книгой на коленях сидел человек в простом одеянии священника и глядел на мокрые цветочные клумбы за окном. Он поднял голову, когда экономка громко объявила имя гостя.

Ратлидж тут же с иронией заметил Хэмишу, что человек в кресле совсем не похож на ловца душ. Комната напоминала больше кабинет ученого – место уединения и раздумий.

Хэмиш промолчал.

Отложив книгу, человек в сутане встал, пересек комнату и протянул руку:

– Вы ведь из Лондона? Прделали большой путь. Бриони, принесите нам чаю.

Экономка взглянула на него с улыбкой:

– Чайник давно уже на плите, – и прикрыла осторожно за собой дверь.

– Я монсеньор Хольстен, – продолжал высокий человек с лицом эстета и пронизательным взглядом полицейского – цепким и понимающим. Пенсне на длинном аристократическом носу, лицо волевое, даже по-своему красивое. Но рука оказалась мозолистой, а рукопожатие сильного физически человека. Пригласив Ратлиджа садиться, Хольстен вернулся к своему креслу, положил закладку в книгу, закрыл ее и отложил в сторону. – Мне поручили с вами поговорить от имени епископа Каннингема. Он уехал по неотложным делам. Так, значит, вы из Скотленд-Ярда. Должен сказать, что я очень рад вас видеть. Смерть отца Джеймса нас всех встретила. Что вы можете сообщить по этому делу?

Ратлидж улыбнулся:

– Я приехал послушать вас.

– Ну да, конечно. Что ж, начнем, пожалуй, не будем ждать, пока нам принесут чай. Дело на первый взгляд кажется простым. Грабитель был застигнут отцом Джеймсом на месте преступления. Он пришел украсть деньги, собранные перед этим на празднике урожая. И деньги действительно пропали.

Монсеньор Хольстен спохватился, что повторяет полицейский отчет, и попытался пересказать все своими словами:

– Обычно в это время дня отец Джеймс находился в церкви на исповеди и не должен был пойти к себе в кабинет. Грабитель испугался, вдруг услышав его шаги на лестнице. По словам инспектора Блевинса, вероятно, он запаниковал, схватил распятие с алтаря в кабинете и ударил им отца Джеймса. Это все, что полиция смогла объяснить. – Пронизательные голубые глаза смотрели на Ратлиджа, в них была настороженность.

– С первого взгляда это похоже на правду, – согласился Ратлидж, – но вы и епископ не удовлетворены таким объяснением. Почему? Есть что-то еще в этой истории, о чем неизвестно полиции? Какие-то обстоятельства, при которых его нашли?

– К сожалению, ничего такого нам не известно. – Монсеньор Хольстен скупно улыбнулся. – За исключением того, что если целью было ограбление, то непонятна причина жестокости поступка. Ведь отец Джеймс был очень отзывчивым и добрым и обязательно бы помог этому человеку, если бы тот обратился к нему, он никогда никому не отказывал. Пугает еще и то... – Он замолчал на мгновение, потом продолжил: – Я разговаривал с епископом после полученного отчета полиции и пытался объяснить сам себе, почему преступление в Остерли так тревожит меня. – Он поправил очки, как будто так яснее мог видеть свои собственные чувства. – Когда я смотрел на тело отца Джеймса, то безусловно испытал шок. Это была утрата, такая большая и невозполнимая утрата. Но кроме шока, как бы яснее выразиться... Мною овладел какой-то первобытный страх...

Хэмиш, до сих пор молчавший, встрепнулся при этих словах.

– Вы потеряли друга, это вполне понятное чувство, монсеньор, оно охватывает любого, если удар нанесен по близкому человеку. – Ратлидж помолчал и добавил:

– Отец Джеймс умер без исповеди, вероятно, был без сознания, и понятно, что это легло тяжелым грузом на вашу душу.

– Да, я все это беру во внимание. Разумеется. Но здесь нечто большее. Бог знает как много раз, теперь и не сосчитать, присутствовал я у постели умирающих. Так же как врач, я должен свои эмоции запрятать подальше ради самосохранения, чтобы продолжать свою работу. – Монсеньор Хольстен взглянул вниз, на свои руки. – Я допускаю, что для бедного человека даже небольшая сумма от благотворительных пожертвований может казаться огромной. Но удары были нанесены жестоко и как-то *исступленно*. Напуганный, застигнутый на месте преступления человек мог действовать подобным образом. Даже если собственные действия внушали отвращение, он совершал их, руководствуясь инстинктом, вынужденный себя обезопасить. И

все же я не могу себе представить такого человека. Ведь если бы он пришел открыто за помощью...

– Возможно, существовали причины, по которым он не мог явиться открыто. Или убедил себя в том, что грабеж совершить легче. Тогда не надо давать обещание вернуть деньги и не придется их отрабатывать.

– Да, да, я и в этом с вами соглашусь. Но подумайте о двух вещах – вор знал о расписании отца Джеймса, был хорошо осведомлен, иначе почему бы он выбрал именно это время суток? И конечно, он знал, что деньги находятся наверху, в кабинете. Он ведь не перерыл весь дом в поисках, а прошел прямо в кабинет! И уж без сомнения знал, где искать – в ящике стола, что логично. Деньги и лежали там. Зачем крушить все в комнате, если он легко нашел деньги? Ведь если бы он просто взял их из ящика, у него осталось бы время ускользнуть из дома незамеченным, прежде чем отец Джеймс вернется с исповеди, и тогда никто не мог бы сразу догадаться, что деньги украдены, могло пройти несколько дней.

– Видите ли, логика редко сопутствует грабителям. Тот, кто проникает в дом, обычно торопится, боится, что его застанут на месте преступления. И если он убил в приступе паники, то потом в оправдание жестокости содеянного захотел сделать вид, что сумма обманула ожидания, деньги оказались слишком ничтожными, и поэтому его охватила ярость.

Хэмиш заметил: «Да он не терял времени – все обдумал, вцепился как собака в кость, и не отступится, пока не найдет разгадки...»

Монсеньор Хольстен покачал головой:

– Я привык размышлять только на религиозные темы. И когда применяю свою логику к убийству, то нахожу одни вопросы. Никакого объяснения.

– Не бывает простых убийств, – сказал ему Ратлидж. – Но насколько я понял, вы хотели мне подсказать, что отец Джеймс был убит кем-то из своих прихожан? Возможно, но маловероятно. И уж наверняка полиция всех проверила.

Чело монсеньора Хольстена просветлело.

– Боюсь, есть еще кое-что, на что надо обратить внимание епископа. У отца Джеймса на груди был старинный золотой образ святого Джеймса на цепочке, подарок от семьи при его посвящении в сан. Да и подсвечники на алтаре стоят немало, как и распятие, которое послужило орудием убийства. Они были старинными, думаю, принадлежали церкви Святой Анны еще с ранних 1700-х. Почему грабитель не испытал искушения взять их? Если он так отчаянно нуждался, что пошел на убийство? Еще одна минута понадобилась бы на то, чтобы сунуть крест или подсвечник в карман. – Брови монсеньора Хольстена вопросительно поднялись, как будто призывая Ратлиджа его опровергнуть.

– Вероятно, потому, что вор боялся, что эти вещи будет труднее сбыть, чем горсть монет.

– Я тоже думал об этом. Но ведь их можно переплавить, и, если знать места, где потом металл возьмут, все равно сумма выручки была бы значительной. И еще – снова и снова я думаю вот о чем – если бы ему были нужны деньги, и только, он мог бы просто оттолкнуть отца Джеймса, который ни о чем не подозревал, и скрыться, пока тот не опомнился, ведь в комнате было темно. Ясно, что отец Джеймс не мог разглядеть его лица. Неужели легче было взять на душу такой ужасный грех, как убийство, да еще святого отца?

«Запаниковал», – сказал Хэмиш.

Дверь распахнулась, и появилась Бриони с подносом в руках, за ней по пятам следовал огромный кот тигровой расцветки. Она поставила поднос на стол, ближе к локтю монсеньора Хольстена, взглядом проверила, все ли принесла, и покинула комнату – за ней последовал кот, с важным, самодовольным видом. Ратлидж вспомнил своего кота и поспешно отогнал видение – белый кот лежит в пустой комнате и ждет возвращения хозяина.

– Это не кот принадлежит дому, – сказал монсеньор Хольстен, с довольной усмешкой поймав взгляд инспектора, – а дом принадлежит Брюсу. Если я правильно помню его генеало-

гию – его прапрапрабабка жила здесь еще до того, как появился епископ, и я тоже. – Он налил чаю, сначала Ратлиджу, потом себе. Подвинул гостю кувшинчик со сливками, сахарницу и две тарелки – одну с маленькими бутербродами, вторую – с ломтиками кекса.

Ратлидж обдумал сказанное монсеньором Хольстеном. Если вор был со стороны, то есть не имел отношения к церкви, то мог вполне удовольствоваться подсвечниками и крестом. Этот же знал точно, где найти деньги. И Хольстен, хотя прямо этого не сказал, считал, что человек был из прихода церкви Святой Анны.

Под глазами священника были тени, скорее не печали, а тревоги. Когда он приступил к чаю, Ратлидж спросил:

– Полиция уже допрашивала прихожан? Они были осведомлены лучше посторонних, что сумма, собранная на празднике, находилась в доме отца Джеймса, и даже знали место, где она хранилась.

– О, разумеется. Их допрашивали дважды. Ясно, что в каждом приходе, католическом или протестантском, всегда найдется паршивая овца в стаде, а то и несколько. Таких допрашивали дополнительно. Но эти люди не совершают убийств – так, могут украсть по мелочи. Даже могут ограбить, если обстоятельства вынуждают. По крайней мере, в приходе отца Джеймса есть трое таких – у одного больная жена, у другого – голодные дети и большая семья, а третий известен своей пагубной страстью к лошадиным скачкам. И им любая сумма всегда к стати. Но инспектор Блевинс считает, что ни один из них не способен на убийство. Он говорит – ни у одного духу бы не хватило.

– Может быть, инспектору Блевинсу надо было заинтересоваться теми, у кого был свой балаган на ярмарке, или теми, кто крутился тогда на празднике, чтобы раздобыть денег. Они потом и вернулись в дом настоятеля, потерпев неудачу ранее, на базаре.

Кекс был очень сытный, много яиц и изюма. Франс сказала бы, что он *питательный* и придаст сил.

– Да, местные власти подумали об этом. Разыскивают всех, у кого были шатры на ярмарке, и незнакомых, привлечших внимание своим поведением и обликом. Но нелегко это сделать. Во время праздника урожая эти люди разъезжают, перемещаясь с места на место, посещая сотню деревень и городков.

Ратлидж доел кекс. Его худощавый собеседник уничтожил три куса, наверное, этого требовал организм, чрезмерно тративший нервную энергию из-за тревоги, которая им завладела. Он, кажется, и не заметил калорийности.

– Давайте вернемся к первому нашему предположению. Перевернем его с ног на голову таким образом: представим, что целью было убийство настоятеля, а ограбление лишь прикрытием, – предложил Ратлидж.

– Полиция отвергает эту версию. Они доложили епископу, что ни у кого в Остерли не было причин для убийства отца Джеймса, потому что у него не было врагов. – Голубые проницательные глаза выжидательно уставились на Ратлиджа.

Полиции часто приходится допрашивать близких и друзей жертвы, которые полны нетерпения поскорее найти объяснение случившемуся и получить ответы на свои вопросы. Но у Ратлиджа создалось впечатление, что монсеньор Хольстен не пытается понять мысли инспектора из Лондона, а сам осторожно его подводит к какой-то неясной цели.

И он решил его подтолкнуть:

– Думаю, что настало время, чтобы вы, наконец, выложили мне все свои догадки. И всю историю, как она вам представляется.

Хольстен улыбнулся:

– Вы всегда считаете, что вашему собеседнику есть что скрывать, инспектор?

– Можно и так сказать, но мне кажется, вы и сами не очень верите в выводы полиции.

– Дело не в этом. – Хольстен вздохнул, повернул голову, глядя какое-то время на пелену дождя за окном. – Знаете, бывает внутреннее чувство, от которого нелегко избавиться. Интуиция, если хотите. Вам приходилось испытывать такое? – И когда Ратлидж кивнул, продолжил:

– Долго и тяжело раздумывая, я не мог избавиться от примитивного чувства – голого страха. Не только из-за убийства отца Джеймса, но и страха за свою собственную жизнь. Поэтому я уговорил епископа просить Ярд принять участие, мои ощущения мне это настоятельно рекомендовали. Что, если здесь спрятано гораздо больше, чем можно увидеть, руководствуясь просто внешними фактами? Что, если это убийство не под силу местной полиции, им для этого недостает опыта и возможностей? Что, если убийца способен их перехитрить и они никогда не найдут его? – Он помолчал и сказал сдавленно: – Вероятно, именно меня пошлют в церковь Святой Анны, пока не найдут замену отцу Джеймсу. Я не хочу стать очередной жертвой!

Глава 4

Ратлидж задумчиво смотрел на священника, его мысль усиленно работала, взвешивая все, что он только что услышал. И что осталось невысказанным.

– Вы ведь боялись с самого начала, что отца Джеймса убили не из-за денег, не так ли? Давайте предположим, что вы правы. Если ограбление было лишь завесой, чтобы пустить полицию по ложному следу, и если вы боитесь, что можете стать очередной жертвой, я прихожу к неизбежному заключению – вы что-то услышали или узнали...

Монсеньор Хольстен прервал инспектора с горячностью:

– Я был в той комнате, когда тело отца Джеймса еще находилось там, до того, как его унесли. Там витали в воздухе злоба и дух насилия, понимаете, о чем я? Опасаюсь, что убийца не до конца удовлетворил свою жажду убийства. Или ваша профессия притупила восприятие смерти, которое стало привычным? Может быть, сейчас, когда сотни тысяч жизней унесла война, смерть одного человека, пусть даже и священника, не заслуживает особого внимания?

– И война, и убийство отвратительны, – ответил угрюмо Ратлидж. – Я к ним так и не привык. Вы описываете атмосферу преступления, не мотив, так?

Монсеньор Хольстен покачал головой:

– Что-то зловещее оставалось тогда в комнате. Свет горел, полицейские суетились вокруг, дух умершего давно покинул тело, но насилие и ярость там остались. – Он помолчал. – Как священник, я не мог подобрать ключа к мыслям убийцы. Но боюсь, что, испытывая страх перед этим чудовищным поступком, перед человеком, который только что забрал жизнь, я теряю веру и предаю Бога. – Он поставил чашку на стол.

– Вы послали за Скотленд-Ярдом, чтобы он помог вам восстановить веру в Бога? Но там этому не учат, – сухо ответил Ратлидж.

– Я не этого от вас жду. Мне нужны ваш опыт, ваши знания, чтобы понять, как и почему это преступление было совершено. Я хочу быть уверен, что подозреваемый, которого заберет полиция завтра, или через неделю, или через год, – действительно виновен. Будет нетрудно найти человека, для которого ничего не стоит украсть и который нуждается. И всю вину взвалить на него. Я должен быть уверен, что ошибки не произойдет!

Священник опять ушел от прямого разговора.

«Он скользкий как рыба», – заметил Хэмиш.

– Вы сами достаточно опытни и умны, монсеньор, и пошли далеко в своих размышлениях. Если это была не кража, если отец Джеймс знал о чем-то, что послужило причиной убийства, он мог сказать вам об этом. Значит, в доме настоятеля было нечто, что искал убийца. И поскольку не успел найти, вы боитесь, что он явится туда снова. И если вы встанете на его пути, он поступит с вами так же, как с отцом Джеймсом. Что, скажите мне, могло находиться в доме настоятеля такого, что унесло его жизнь, и, возможно, не его одного? Что подвергло его такому риску?

– Если бы я знал ответ, – возмущенно ответил монсеньор Хольстен, недовольный, что его обвинили в укрывательстве фактов, – нам не о чем было так долго разговаривать. Я бы сразу сообщил о том, что знаю, инспектору Блевинсу!

– Из чего следует, что я остаюсь с первоначальной версией полиции, а именно: имело место ограбление, и грабитель был застигнут врасплох. И это мог совершить житель Остерли. Если я доложу это своему начальству, то я должен его убедить, что Ярд здесь только теряет время. Тот факт, что убит священник, естественно, имеет вес, иначе меня просто не послали бы в Норидж. Но практика нашего дела показывает, что местная полиция знает куда больше о своих жителях, чем посторонний, даже из Ярда, и скорее может разыскать убийцу.

– Я вам предоставил всю информацию, которой владел. – Аскетическое лицо священника тем не менее выражало сомнение. – Больше не могу ничего добавить. Хотел бы сам знать больше. И я не солгал вам, снова повторяю: отец Джеймс был добрым, хорошим человеком, тружеником, человеком веры и глубоких убеждений. Я считаю своим долгом перед ним найти того, кто его убил. Если есть малейшая возможность, я ее должен использовать, и все сделаю для этого.

Хэмиш пробормотал: «Священника могут убить за то, что он знает тайны исповеди».

Это было так.

Ратлидж допил чай, поблагодарил и поставил пустую чашку на поднос.

– Есть еще путь, по которому можно идти. Священник несет тяжелое бремя своих обязанностей, груз ответственности иногда бывает непосильной ношей. И вполне вероятно, что отец Джеймс мог при выполнении своего долга столкнуться с чем-то таким, что оказалось ему не под силу. Если вы знаете эту тайну, может быть и не предполагая этого пока, вы рискуете – кто-то может подумать, что вам известно больше, чем это есть на самом деле, и тайна окажется раскрыта.

– Это возможно. Священник может узнать многое, слушая исповеди различных людей, и сделать свои выводы о том, что происходит в приходе, даже если это касается преступления. И не важно, как много правды будет в признании, он может по кусочкам восстановить всю картину, недосказанную на исповеди, и узнать правду. Неверный муж, клерк, который обманывает нанимателя, или кто-то распространяет слухи, ранящие другого, или приемный отец, а ребенок в семье не знает, что он неродной... Поэтому слова, произнесенные на исповеди в тот момент, когда человек обращается к Богу, надеясь получить прощение и облегчить душу, становятся нелегким грузом для священника. Наш долг – сохранить таинство исповеди и защитить человека, сохранив его тайну. И отец Джеймс никогда не нарушил бы эту клятву.

– Но если мужчина или женщина, признавшись на исповеди, потом пожалели о вырванном признании?

– Конечно, он или она могли потом сожалеть. Но Бог знал о поступке задолго до того, как они признались, а священник поклялся хранить тайну.

– Но не всегда, на практике бывают исключения.

Монсеньор Хольстен снял пенсне и потер переносицу.

– Не всегда, – согласился он. – Но мужчина или женщина после своего признания, если сомневаются, могут поменять приход и, оставив священника, который узнал правду, найти другого, кто примет его как нового прихожанина, как говорится, с чистого листа. Священников не убивают из-за исповеди. Это перевернуло бы устои церкви еще сотни лет назад, если бы вошло в практику. – Монсеньор Хольстен водрузил пенсне на место, поправил, чтобы оно сидело прямо, сделал попытку улыбнуться, но потерпел неудачу. – Вы знаете, что отец Джеймс первые годы войны был на фронте капелланом, там подхватил жестокую дизентерию и был отправлен домой в семнадцатом? Может быть, правда скрыта там? – Он снова взглянул в окно на сад. Как будто хотел найти ответ среди деревьев, кустов и травы. Или боялся увидеть там кого-то.

Хэмиш опять вмешался: «Он ведет себя, как человек с отягощенной совестью».

Ратлидж мысленно ответил Хэмишу: «Или сомневается, но боится высказать мне свои мысли».

А вслух произнес:

– В таком случае не вижу причины для вас опасаться за свою жизнь.

Монсеньор Хольстен отвернулся от окна и посмотрел на Ратлиджа:

– Я уже говорил. Это первобытное чувство страха, примитивное, когда волосы встают дыбом в темном углу церкви или в доме, когда темно за окном и я один. Иногда в освещенной комнате с незадернутыми шторами, когда боишься взглянуть в окно, чтобы внезапно не встре-

титель взгляд того, кто смотрит на тебя из темноты. Понимаю, что это все игра воображения. Ведь по своей природе я не пуглив. Но после этого случая стал бояться.

– Вы не были в тех частях, где служил капелланом отец Джеймс?

– Никогда не был во Франции. Во время войны я работал здесь, встречал раненых, когда прибывали суда. Большинство из них страдали от боли так, что сил хватало лишь на то, чтобы принять сигарету или немного утешения, что Господь их не оставил. Но в этом преступлении кроется загадка. – Монсеньор Хольстен покачал головой. – Вы, вероятно, правы, мои подозрения и страхи лишены логики. Но должен быть ключ к разгадке, почему отец Джеймс был убит, равно как и объяснение моему собственному страху. – Он вздохнул. – Простите. Вы очень умный человек, инспектор Ратлидж. Вы сможете всему этому отыскать объяснение, меня заверили, что Ярд пришлет одного из своих лучших сотрудников.

На том беседа была окончена.

Ратлидж остановился поговорить с экономкой Бриони, которая проводила его к выходу. В доме было тихо, сюда не проникали ни шум дождя, ни удары лопат по камню.

– Я понял, что об отце Джеймсе все были хорошего мнения, – сказал он.

– Это был черный день, когда его убили! Не могу до сих пор опомниться от потрясения, которое тогда испытала. Хорошего мнения? Да все его любили и уважали. – Она взяла со стула пальто и шляпу Ратлиджа и прижала их к груди жестом отчаяния. – Можете спросить любого.

– Люди всегда говорят хорошо о покойниках, – мягко сказал Ратлидж. – Даже священник только человек, и иногда не без слабостей.

– Если так, мне о них не было известно! Говорю вам, отец Джеймс был великодушный, терпеливый человек. И никто не скажет ничего плохого о нем. Если к нему приходили, жалуясь на тяжелое положение, он помогал, никогда не отказывал в помощи, сам давал деньги, и не было нужды его убивать за них! Это сделал жестокий человек и безбожник, который не думает о спасении души. – Женщина взглянула на инспектора с надеждой, как будто ждала, что он скажет что-то утешительное и немедленно укротит ее отчаяние.

– То есть не католик? Это вы хотели сказать?

– Не католик, не протестант. Ни один верующий человек никогда не пойдет на убийство служителя церкви. Я хочу вам сказать вот что – тот, кто убил отца Джеймса, не нуждался и не был голоден. Он все рассчитал и позаботился о собственной безопасности, ведомый дьяволом. Он или она. Женщины иногда бывают еще более жестокими. Неужели этих людей так много вокруг нас, что полиции трудно выследить *его* или *ее*? Уже прошло несколько дней после смерти отца Джеймса. И что сделала полиция? Я бы сказала, что это просто насмешка!

– Коллеги наверняка пытаются сделать все возможное.

– О, что касается *пытаются*, я с вами согласна. Но они не слишком-то умны. – Экономка открыла входную дверь, выпуская инспектора в дождь и липкую грязь, которая растекалась около сточной канавы. – Грабеж, воровство, поджог или нападение – тут они найдут виновника, потому что он делал это раньше. Но это не требует ума, не так ли? Просто они *знают*, где искать.

– В этом случае надо найти человека, кто тратит деньги, которых раньше у него не было, то есть украденные у отца Джеймса, – отозвался Ратлидж.

Бриони строптиво вздернула голову:

– У отца Джеймса была семья, не знаю, говорили ли вам? В августе его сестра принесла своему мужу тройню, и отец Джеймс помогал ей управляться с детьми. Кто теперь подменит ее, когда она свалится с ног от усталости и бессонных ночей, если хоть один малыш заболеет? Вы можете поговорить с миссис Уайнер. Это экономка отца Джеймса. И одна из самых порядочных женщин на свете. Она расскажет, как вошла в кабинет и он лежал там, уже окоченевший, в луже крови. Кровь была повсюду. А ведь грабитель мог в это время находиться в соседней комнате

и убить ее тоже! Если вы хоть немного успокоили сейчас монсеньора, то было бы с вашей стороны великодушно поехать и поговорить с ней тоже. Всего несколько часов езды отсюда.

– Где можно ее найти? – Ратлидж взял у Бриони пальто и шляпу и шагнул под дождь. Лицо сразу покрылось липкой влажной пленкой дождевого тумана.

– Она по-прежнему каждый день приходит в дом у церкви, как делала всегда при жизни отца Джеймса. Не представляю, как эта бедная женщина может там находиться одна, после того, что произошло. Входить в пустой дом. Это ее долг, так она говорит. Как если бы отец Джеймс был жив. Городок называется Остерли. Они, наверное, вам сказали в Лондоне? Это по дороге на север, к морю, не так уж далеко отсюда. – Бриони смотрела Ратлиджу прямо в глаза. – Понимаю, что куда легче взять и укатить обратно в Лондон, вы ведь уже выполнили свой служебный долг. Многие так бы и поступили. Но почему-то мне кажется, что вы не из таких людей!

И с этими словами, пожелав ему всего доброго, она закрыла дверь.

Ратлидж крутанул заводную рукоятку и, когда мотор взревел, поспешно сел в автомобиль, спасаясь от дождя. Но не тронулся с места, а, сам себе удивляясь, долго сидел в раздумье, вспоминая слова Бриони, положив руки на руль и чувствуя работу двигателя.

Он не имел ничего против того, чтобы оказаться вовлеченным в расследование подробностей жизни и смерти священника. Но в его задание это не входило. Оно было другим.

Поезжайте в Норфолк и успокойте епископа, заверьте, что местная полиция делает все, что в ее силах. И что она действует грамотно и сама справится.

Но здесь от него ждали другого: что он сотворит пару чудес – с ходу объяснит причину убийства и найдет самого убийцу.

Он не завидовал местному инспектору Блевинсу, которому приходилось работать в атмосфере всеобщего недоверия, когда все отказывались воспринимать это убийство как обыкновенное, каким оно по сути и было, а хотели видеть мистику и загадку.

Обдумывая сейчас все сказанное монсеньором Хольстеном и экономкой Бриони, он был заинтригован и тронут их отношением к убийству.

Хэмиш успокоил: «Это пройдет».

Возможно. Но Бриони очень постаралась, чтобы ему трудно было уехать со спокойной совестью.

И вместо того, чтобы поехать на юг, в Лондон, он развернулся и покатил на север, в Остерли.

Еще в школе, на уроках географии, при изучении карты Великобритании, учитель советовал, как легче ее запомнить. Весь остров напоминал очертаниями человека, скачущего верхом на свинье. Его высокая шляпа – север Шотландии, ее гористая часть. Голова и туловище – средние и нижние области Англии. Голова свиньи – Уэльс, передние ноги – полуостров Корнуолл, задние ноги – холмистые долины Кента. А задняя часть туши – большая выпуклость – Эссекс, Суффолк и Норфолк, которые выпячиваются в Северное море.

Эту картинку они находили занимательной, рисуя бесконечное число раз свинью и ее наездника, развлекаясь и не осознавая, что эти усилия не проходят даром и таким образом навсегда в их головах отпечатается география родной страны.

Покрывая теперь расстояния от Нориджа до Остерли, глядя, как капли дождя собираются в струйки и стекают по лобовому стеклу, он пытался избежать настойчивых попыток Хэмиша вовлечь его в дебаты по поводу интервью с монсеньором Хольстеном. Ратлидж не хотел сейчас углубляться в размышления, делать выводы из слов Хольстена и экономки. Первоначальная решимость, как и предсказывал Хэмиш, постепенно таяла, и вместо нее приходили на смену сомнения в правильности собственного решения. Ведь он еще официально не был допущен

к работе, и его заданием было только съездить в Норфолк и успокоить епископа. Ничего не говорилось о возможности его поездки на север.

У старика Боулса разольется желчь, если он по собственной прихоти расстроит местного инспектора и навлечет гнев начальника полиции графства на головы Ярда и его представителя. В то же время Ратлидж понимал, что, хотя ему и удалось немного успокоить монсеньора Хольстена, тот, скорее всего, не удовлетворится положением дел, поверхностное участие Ярда его не устроит, и епископ все равно не даст им отвилиться и переложить дело на местные власти. И если его визит в Остерли поможет поднять авторитет инспектора Блевинса, убедить в его способности разобраться самому в убийстве, а также даст понять, что Ярд Блевинсу вполне доверяет, то не последует дальнейших официальных придинок.

Но Хэмиша убедить было труднее. «Да тебя беспокоит совсем не этот труп! – тараторил он. – Ты все еще не можешь выкинуть из головы Шотландию. Ты не хочешь вернуться в Лондон и приступить к работе, потому что не готов взглянуть в лицо жизни».

– Но с меня сняли повязку, и, как только я вернусь, доктор выпишет меня.

«Это не одно и то же – освободиться от банджа и примириться в душе с Шотландией».

– Когда вернусь в Лондон, я покончу и с этим.

«Ты уверен? Тогда почему сейчас едешь на север?»

Дорога из Нориджа к Остерли вела через гряды округлых холмов и была весьма живописной. В крохотных долинах ютились редкие деревеньки, с каменными или кирпичными домиками. Все еще свежая трава зеленела на склонах холмов под прикрытием лесополос, и на них паслись многочисленные стада толстых овец, к зиме они отрастили густую шерсть. Все было так не похоже на Францию с разрушенными домами и торчавшими из руин каминными трубами вдоль всей линии фронта. Сейчас Ратлидж даже забыл, что была война, как будто вернулся вновь в 1914-й, словно здесь ничего не изменилось. Но на самом деле изменилось и никогда не станет прежним.

Для Хэмиша это была благодатная земля – мирная и богатая, где жить гораздо легче, чем в скалистых горах Северной Шотландии. Но именно суровость жизни, по мнению Хэмиша, и делала из шотландцев прекрасных воинов.

– Норфолк тоже прославился своими хорошими солдатами, – напомнил ему Ратлидж. Но для Хэмиша это были разные вещи: одних хорошо научили, а у вторых это было в крови, впиталось с молоком матери.

Даже когда они сидели в траншее, Хэмиш любил приводить исторические примеры на эту тему. Некоторые относились к двенадцатому веку, когда шотландцы проявили особую отвагу. Их образ жизни, по мнению Ратлиджа, никогда не сделает человека процветающим, но придает гордость и силу духа плюс врожденную храбрость.

Мили бежали одна за другой. Дорога, сделав очередной поворот, нырнула между двух холмов, и взору Ратлиджа открылись просторы болот, в это время года окрашенные зимней палитрой цветов – красно-коричневым, желтым и золотистым. Он съехал к обочине у развилки и долго любовался ландшафтом – надо признать, что небольшая Англия тоже имеет свою, своеобразную красоту.

Дорога раздваивалась – направо к Кли, налево к Ханстентону. Она тянулась по кромке болот, пропадая вдали. Ратлидж поехал налево, и вскоре северо-западный ветер принес крики чаек с гряды дюн вдоль берега моря. Через несколько миль он въехал на окраину небольшого городка, скорее деревни, распластавшегося под огромным колпаком серого неба, вобравшего цвет невидимой воды болот.

Небо сейчас не было похоже на знаменитое «Небо Констебла». Художник изобразил горизонт с широкой грядой облаков, пронизанных светом, природу, где жили сельские люди, простоту и непринхотливость их дней. Фермерские дети удили рыбу, усталые лошади тащили

нагруженные повозки, каждый был занят своим повседневным трудом, не замечая величия неба над головой.

Сейчас небо казалось пеленой, укрывшей землю и море, которого не было видно. Оно было скрыто за болотами, образовавшимися на соленой и скользкой почве, которую море оставило, отступая. Эта часть Норфолка вела давнюю борьбу с ветром и водой, часто изменявшими прибрежную линию. В одном веке деревня стояла на берегу, а в следующем – уже в милях от моря.

Проехав разбросанные вдоль дороги дома, он въехал в Остерли. Слева, высоко над дорогой, на травянистом холме, стояла огромная, отделанная кремнем церковь. Наверное, ее построили в те времена, когда здесь процветали торговля шерстью и овцеводство. В Норфолке много таких соборов, отображающих времена расцвета в прошлом. Насколько Ратлидж помнил из истории, Остерли в Средние века был одним из пяти главных портов Англии, и многие местные богачи, ударившись в религию, строили церкви, увлекаясь высокими окнами и башнями, демонстрировавшими не только величие веры, но и оборонительную мощь. Повернув на подъездную дорогу к церкви, он направился вверх на холм, чтобы взглянуть на церковь вблизи. Табличка у ворот сообщала, что это церковь Святой Троицы.

Какая-то женщина вышла из дверей церкви и, заслонив глаза рукой, стала смотреть на верхние окна башни. Ветер трепал подол ее юбки и пальто. У Ратлиджа сложилось впечатление, что она молода, стройна и привлекательна. Красота сквозила в линии плеч, движениях головы и шеи, хотя рука скрывала черты лица.

«Наверное, неплохой вид с башни, – сказал Хэмиш, – церковь стоит очень высоко».

– С моря ее тоже видно. В Линкольншире многие века использовали церкви в качестве маяков.

Женщина вернулась в церковь. Франс понравилась бы ее шляпа. Темно-красная, с серебристыми голубыми перышками сбоку, придававшими элегантность. Ратлиджу захотелось выйти из автомобиля и зайти в церковь, чтобы рассмотреть женщину поближе. В это время на холм поднялся мужчина, не по дороге, а со стороны церковного двора, и тоже зашел внутрь. Рабочий, судя по одежде, – в тяжелых башмаках и комбинезоне. Наверное, женщина ждала его.

Ратлидж оглядел местность.

Впереди, перед капотом автомобиля, дорога обрывалась, уходя в небольшую рощу. За рощей пряталось несколько домов, виднелись лишь верхушки крыш с каминными трубами, поодаль стоял большой амбар.

Он не рискнул к ним подъехать, побоявшись, что застрянет в грязи. Наискосок от дороги находился дом викария, наполовину скрытый за каменной стеной, туда вела узкая подъездная дорога. Дом стоял среди высоких больших деревьев, явно очень старых.

Ратлидж развернулся и поехал вниз к главной дороге. Повернул направо по Уотер-стрит, знак указывал, что там находится полицейский участок.

Он остановился около него и пошел представляться инспектору Блевинсу. Но на двери висело объявление, что тот отбыл по делам, и был указан номер полиции в Шермане, чтобы можно было связаться с ним в экстренном случае. Ратлидж открыл дверь и заглянул внутрь. Пустая приемная показалась ему местом неудобным для ожидания.

«Как долго его придется ждать?» – ворчливо заметил Хэмиш, и Ратлидж закрыл дверь.

Сев в автомобиль, он подумал, что есть время осмотреть город и повидаться с миссис Уайнер. Это будет более приемлемо для Боулса как продолжение задания, которое заключалось в успокоении епископа, а не во вмешательстве в дела местной полиции. Уотер-стрит привела его к набережной, которая оказалась короткой, и вновь вернула на главную дорогу. Он поехал по ней снова, чтобы иметь представление о размерах Остерли. Город казался вполне процветающим, во всяком случае, Ратлидж не заметил здесь безобразных проявлений нищеты, как и показной роскоши.

С десяток коротких улиц от моря вели в глубь материка, одна из них – Шерман-стрит, наверное, соединяла Остерли с соседней деревней, исчезая за холмом. Дальше простирались фермерские поля. Он поехал в противоположную сторону и вскоре увидел вторую церковь, вероятно, это и была церковь Святой Анны.

Дорога повернула налево и пошла вдоль болот, простиравшихся до горизонта.

Хэмиш молчал, наверняка его тоже потряс великолепный вид. Ратлидж свернул на обочину, на каменистую площадку для машин, чтобы лучше рассмотреть ландшафт. Травяной покров болот лежал плотным коричневозолотистым ковром, по которому из-за порывов ветра иногда пробегали волны; небольшие деревья по краю болот клонились к земле. Утки, дикие гуси, чайки криками наполняли воздух. Вдали белела полоска морской пены.

Дикая красота захватывала, казалось, перед ним первозданная природа, до которой еще не добрался человек.

Хэмиш сказал: «Подожди, дай время».

Из травы поднялся сокол, пролетел ярдов двадцать и, хлопая крыльями, бросился вниз на невидимую, зазевавшуюся добычу. Потом поднялся снова, неся в когтях что-то небольшое и темное. Мышь?

Последовал новый порыв ветра с моря, стало слышно, как волны накатываются на берег. Потом снова воцарились тишина и покой, но они давили, только усиливая одиночество.

Косяк гусей от моря пролетел в сторону Остерли.

Провожая их взглядом, Ратлидж вспомнил слова поэмы, написанной Мэннингом:

Гуси летели в ночи, на фоне луны,
Прямо на меня, как черная стрела.
Но я шел, спотыкаясь в темноте,
Под луной я был одинок, печален и все еще от моря вдали.

Поэт написал об отчаянии человека и его борьбе с одиночеством.

И здесь, на болотах, глядя на косяк гусей, Ратлиджу вдруг показалось, что море все-таки скоро появится перед ним. Вернулась надежда, и настроение поднялось.

«Это ненадолго, – сказал Хэмиш. – Все лишь мираж и иллюзия».

Глава 5

Не отвечая Хэмишу, он еще простоял минут десять, глядя на необозримые болота. Но чары уже были разрушены, и картина снова казалась безжизненной.

Он вышел из машины, чтобы завести двигатель. Под ногами были камни – круглые, белые, раскалываясь, они внутри поблескивали. Множество городов вдоль Северного моря были построены из такого камня, твердого и надежного в сердцевине.

Заведя двигатель, он вернулся на водительское место и снова вспомнил Бриони. Она сказала, что местная полиция ничего пока не смогла сделать, не продвинулась ни на шаг в поимке преступника. Почему до сих пор никто в Остерли не дал показаний, которые могли помочь установить причину смерти священника. Такое преступление должно было немедленно вызвать взрыв возмущения, заставить людей выйти из домов, даже ночью. Недоверчиво косясь на соседа, припомнить на первый взгляд незначительные события, которые иногда помогают полиции сложить мозаику, восполнив недостающие кусочки. Например: «Я видел там человека...» Или: «Я слышал то-то и то-то, пока ждал в очереди у зеленщика...» Или: «Отец Джеймс как-то говорил мне...»

В провинции процветает любопытство к личной жизни соседей, жители, как правило, любят подглядывать, сплетничать, но не станут рассказывать приезжему или даже местному инспектору полиции о том, что им известно. Личная жизнь соседа защищена их молчанием. Но только на первый взгляд, потому что такая защита иллюзорна.

Ратлидж развернулся и поехал обратно.

Может быть, они молчали, потому что сомкнули ряды вокруг убийцы, стараясь выгородить его?

«Не похоже», – с сомнением сказал Хэмиш.

– Но именно это могло являться причиной обращения епископа за помощью в Скотленд-Ярд.

Он доехал до поворота и направился ко второй церкви. Она была меньше Святой Троицы, ее тонкий шпиль, как тонкий палец, указывал в серенькое небо. Отделанная кремневой галькой, она долгое время выдерживала ветры с моря. Под простотой строения проглядывала вечность. Она выдержала суровые времена и испытания, как стойкий воин. Черная дощечка с потертыми золотыми буквами подтверждала, что это действительно римская католическая церковь Святой Анны. Позади нее, за низкой каменной стеной, виднелось церковное кладбище; надгробные памятники веками медленно заполняли его пространство и подбирались уже к самой церкви. Еще сотня лет – и надгробия достигнут апсиды.

Рядом с церковью стоял дом настоятеля – кирпичный, викторианской постройки, с флером экстравагантности, как будто оказался здесь случайно, высадившись как-то в сильный шторм, и решил остаться навсегда. Как экзотическая птица, залетевшая в северные края и полюбившая суровый климат больше, чем теплый родной дом. Неподходящее место для убийства.

Ратлидж оставил машину во дворе церкви и, собираясь постучать в дверь, уже поднял кольцо, когда женщина, проходившая мимо с детской коляской, сказала:

– Миссис Уайнер ушла за покупками. Думаю, должна вернуться где-то через час.

Он поблагодарил и в третий раз повернул назад в город, решив на набережной найти подходящее место и перекусить, поскольку завтракал уже давно, в Норидже.

Остерли был построен из местной кремневой гальки с облицовкой кирпичом вокруг окон и дверей. Камешки торчали из стен, казалось, они прилипли к ним, как голодные пиявки. В этих домах чувствовалась добротность и надежность, устойчивость к морскому климату и штормам.

Он нашел улицу, которая вела к гавани, но сделала непредвиденную петлю и только потом вывела на узкую улочку, спускавшуюся к набережной. Теперь в городе стало многолюдно, повсюду были люди, а около лавок и магазинчиков стояло множество различного вида экипажей и повозок. Лошади, опустив головы, дремали в ожидании. Но внимание Ратлиджа было приковано к гавани, куда он наконец добрался.

Там, где когда-то была бухта, взору явились скользкие илистые берега, покрытые травянистой ряской. Булыжники мостовой, покрытые жидкой грязью, являли взору свое средневековое величие. Гавань, куда когда-то причаливали торговые суда с товарами, рыбацкие шхуны, сети которых были полны камбалы, трески и макрели, теперь напоминала тихую заводь, вода наполняла ее только в высокий прилив, а потом снова отступала. На набережной можно было видеть жалкие три суденышка, вытасненные на берег и брошенные там гнить. Еще пара лодок засела в жидкой грязи в ожидании, когда их столкнут в воду.

Направо, за болотами, виднелась подступающая к ним полукруглая гряда песчаных дюн. Когда-то они заслоняли Остерли от штормов, делая бухту безопасной. Но песок постепенно стал доминировать, вода отступала, оставляя мелководье, лужи и неглубокие озера. Дюны стали побеждать. Теперь они служили прибежищем для многочисленных морских птиц. Голубизна моря манила, просвечивая сквозь гряду дюн, и казалось, что, прислушавшись, можно услышать, как бьются о берег волны.

Слева, там, где высокий мыс вдавался в море, еще оставалась прибрежная полоска, которая наверняка привлекала рыбаков и купальщиков.

Вдоль набережной выстроились поставленные тесно, бок о бок, небольшие дома, магазины и единственная гостиница. На всех фасадах окна и двери окаймляли прямоугольники кирпичной кладки, служившей защитой от штормовых ветров, как обязательный атрибут приморских городов.

Небогатые, но и не бедные, они в большинстве своем не менялись в течение века и скорее являли собой прочность среднего класса – станového хребта Англии. Строгая викторианская мораль и ответственность за империю являлись характерными чертами их жителей.

Автомобиль Ратлиджа был практически единственным. Здесь еще два-три стояли около гостиницы.

Толстый дикий гусь копался клювом в липкой грязи около берега, а его товарищ внимательно наблюдал, вытянув шею. Первые предвестники зимы. За чертой города, справа от гавани, к востоку, насколько было доступно глазу, тянулись болота. Ратлидж так давно здесь не был, что успел забыть их притягательную красоту.

Внизу к причалу подплывала лодка. Гребец хорошо знал, куда направить ее нос, чтобы попасть в полосу воды. Его белокурые волосы взмокли от пота, пока он пробирался к берегу. В лодке сидел английский сеттер. Высунув язык, он смотрел на приближавшийся берег. Ратлидж вышел из машины, спустился по ступенькам и, подождав, когда лодка подплывет, поймал конец, который мужчина ему бросил.

– Спасибо!

– Не стоит благодарности, – отозвался Ратлидж.

Мужчина вылез из лодки. Среднего роста, с волевым лицом, серые глаза цвета зимнего моря, подтянутый и ловкий. Он окликнул пса, устремившегося вверх в радостном возбуждении.

– Стой, ты, торопыга! – Мужчина посмотрел на Ратлиджа и объяснил: – У него больше прыти, чем у меня. Ему ведь не пришлось грести последнюю пару часов. Этот пес способен добежать до дома и вернуться, прежде чем я пройду половину пути. – Он произнес это с веселым возмущением, при этом его речь была правильной, без местного акцента.

– Вы можете плавать так далеко? – Ратлидж кивнул в сторону далекого мыса.

– О да. Там неплохо. Волны шумят, птицы галдят, их суета радует.

Он поднялся по лестнице на набережную и пошел вверх по Уотер-стрит, сеттер бежал за ним какое-то время, потом вырвался вперед и помчался, как брошенный с силой мячик, вынуждая хозяина ускорить шаг. Пожилая женщина, выйдя из магазина, около которого ее ожидала запряженная лошадью повозка, окликнула мужчину:

– Эдвин? Хочешь, я тебя подвезу?

Мужчина остановился, кивнул и, подождав свистом собаку, полез в повозку. Ратлидж слышал, как он засмеялся, когда женщина позволила мокрому псу залезть в повозку вместе с хозяином.

Ратлидж заметил паб под названием «Пеликан» в дальнем конце набережной. Хозяйка только что закончила мыть тротуар перед входом и теперь вытряхивала коврик, о который посетители вытирали ноги. Это была белокурая, полногрудая женщина средних лет с добродушным лицом.

Дети катили по улице обруч, разбрызгивая грязь, чем вызвали негодующие взгляды двух хорошо одетых мужчин, беседующих под навесом булочной. Кот сидел на подоконнике, совершая туалет и не обращая внимания на терьера, которого вел мимо старик с тростью. Старик сказал что-то хозяйке, и та рассмеялась.

Паб – вот место, где можно узнать о жителях и прощупать их настроения.

Ратлидж оставил автомобиль в конце набережной и подошел к «Пеликану».

Хозяйка уже была внутри и теперь вытирала столики. Ее лицо порозовело от напряжения – так добросовестно она терла. Когда он вошел, она улыбнулась:

– Чем могу помочь, дорогуша?

– Я не слишком рано для ланча?

– Бекон и бифштексы еще не готовы, но что-нибудь придумаем. Могу подать хлеб с сыром и пинту эля.

– Отлично.

– Садитесь у окошка, пока полюбуйтесь видом. – И, передернув полными плечами, женщина добавила: – Если вам нравится смотреть на болота. Мне они надоели, вообще не терплю все ползучее, в том числе и людей, которые подкрадываются незаметно. И я права.

Он сел у окна и стал смотреть на болота. Стая диких уток прилетела и опустилась в высокую траву. Хозяйка скрылась на кухне, оттуда донеслось звяканье посуды.

Когда глаза привыкли к тусклому освещению, Ратлидж заметил, что в пабе находится не один. В углу сидел человек с газетой в руках.

Трудно было сказать, читает он или просто это предлог, чтобы не разговаривать.

В качестве декора «Пеликан» имел все необходимые атрибуты приморского паба: железный якорь в одном углу, несколько моделей судов, подвешенных к потолку, несколько китайских фарфоровых тарелок на полках. Фигурки птиц всех цветов и размеров, стоявшие на широких подоконниках, как будто пытались найти способ пролететь через стекло.

Чучело большого серого гуся, чуть траченное молью, виднелось в дальнем конце стойки, на его шею была водружена табличка, рекламировавшая норфолкский эль.

Здесь было еще много любопытных вещей с разных концов света. Огромное, ручной чеканки медное блюдо из Марокко или Турции, висело над каминной полкой, из него легко можно было накормить большую семью. Маленький деревянный слоник, на нем была бархатная попонка с колокольчиками по краю. На другой стене скрещенные кинжалы в ножнах и по соседству устрашающая маска из черной Африки с узкими прорезями глаз и рта.

Это придавало пабу эксцентричность, наверное, здесь не один моряк расстался с сувенирами, оплачивая свой счет.

Хэмиш прокомментировал: «Этот гусь очень неаппетитен, он не вызывает желания у человека выпить».

Хозяйка принесла ланч – ломти свежее испеченного хлеба, острый английский сыр чеддер, горчицу и пикули. Ставя все это на стол, она сказала:

– У нас обычно в это время уже много народу, но сегодня ярмарка в Восточном Шермане, и большинство посетителей не вернется в город до двух часов.

Она принесла пинту эля и спросила, стараясь завести дружескую беседу:

– Вы у нас в городе по делу?

Ратлидж ответил утвердительно, и она еще поболтала несколько минут, рассказала, что родилась в Ханстентоне и приехала в Остерли с мужем, который погиб на пожаре, а она с двумя дочерьми осталась жить здесь. Казалось, она не замечала человека с газетой, как будто он был частью декорации – слоном или маской.

– Я был потрясен, узнав, что здесь неделю назад убили священника, – сказал Ратлидж. – Ваш город совсем не похож на место, где такое может произойти.

Хозяйка покачала головой:

– Я бы тоже никогда не поверила. Многие из нас тяжело переживали, поверьте. Я теперь не выпускаю девочек из виду и на ночь запираю двери. Если он убил священника, то не остановится и перед детьми. Я просто дрожу, когда думаю об этом. Такое совершил дьявол, а не человек. Не могу спокойно спать с тех пор.

Ратлидж уже хотел задать ей следующий вопрос, как двери распахнулись и вошла группа мужчин, громко приветствуя хозяйку. Им удалось продать на ярмарке в Шермане парочку баранов, и теперь они в подробностях, наперебой принялись рассказывать об этом. Подавая им эль, женщина терпеливо и с милым выражением лица выслушивала историю с баранами и хвастовство такой удачей. Но в энтузиазме чувствовалась некая фальшь, как будто мужчины пытались смехом и шутками скрыть напряжение и искали разрядки. Их смех был излишне громким, нарочитым. Хозяйка – Бетси, так ее звали, усадила их с пинтами праздновать успех.

Ратлидж решил, глядя на их одинаковые большие носы, что это отец и сыновья. Он закончил ланч под их непрерывное шумное веселье. Тем временем паб наполнился новыми посетителями, прибывшими с ярмарки со своими новостями. Ратлидж уже понял, что это будет единственной темой для разговоров сегодня – кто что продал или не смог продать, какие были цены и сплетни. Человек с газетой за угловым столиком не пошевелился и, кажется, еще ни разу не перевернул газетный лист. Его никто не приглашал присоединиться к празднику или вместе выпить.

Расплатившись по счету, Ратлидж покинул паб.

«Этот город не похож на тот, что имеет темные тайны, – сказал Хэмиш. – И они не смотрели на тебя, незнакомца, с подозрением».

Интересная деталь. Удачный день на ярмарке их воодушевил, но, когда эйфория спадет к вечеру, они снова начнут оглядываться и бояться темноты. Ему приходилось бывать в подобных городках и деревнях, где молчание висело как тяжелый влажный туман, им были подернуты враждебные лица, ничто на свете не могло их отвлечь от своего страха и подозрительности. А здесь, кажется, решительно отказывались считать свой город обителью зла. Почему так?

Там, где Уотер-стрит поворачивала к главной дороге, около зеленой лавки, стояли две повозки. Мальчик из лавки мясника нес пакет покупок в сопровождении женщины в черном платье с небольшой кремовой отделкой на воротнике и манжетах. Пожилая женщина вышла из зеленой лавки с большой корзиной и повернула к главной дороге. Он подумал, что это может быть миссис Уайнер. Но спросить было некого.

«Здесь чувствуется запах моря, – сказал Хэмиш, – наверное, зимой здесь холодно. Дует сильный восточный ветер».

– Иногда, – согласился Ратлидж, – когда штормит.

Он вернулся к полицейскому участку. Записка все еще висела на двери. Он направился к церкви Святой Анны. Подъехав, остановился, вышел из машины и стал смотреть на дом

настоятеля. Купола и башенки, позолота на резьбе придавали зданию легкомысленный вид. Кажется, если бы у художника было место на фронтонах, он непременно добавил бы к ним фантастические фигуры. Но в целом впечатление было приятным.

По соседству с домом настоятеля стоял внушительных размеров каменный дом с небольшой стеклянной теплицей, окна ее запотели от испарений. Наверное, хозяина не было в ту ночь, когда был убит отец Джеймс. Окна дома священника через небольшую лужайку смотрели на окна большого соседского дома, а с противоположной стороны – на дорогу через большую лужайку. Может быть, отец Джеймс увидел там кого-то, кто мог услышать его крик о помощи? Например, крестьянина, который, припозднившись, шел с полей, или констебля, патрулировавшего свой район?

Хэмиш сказал: «Так сложилось, что соседи отсутствовали. Или убийца выбрал специально время, когда они уехали».

– Возможно, – ответил Ратлидж. – Если он вел наблюдение за домом несколько дней.

Следующие три дома, более современной постройки, стояли полукругом ближе к тому месту, где когда-то, в годы процветания, скорее всего, находился порт. Может, это были здания таможни. На табличке у входа одного из них он прочитал, что здесь сдаются комнаты. Напротив, через улицу, было еще пять домов из камня, скорее добротных, чем современных.

По короткой дорожке Ратлидж прошел к двери дома настоятеля и обнаружил, что дверной молоток был тоже данью причудам – в виде маленького гроба. Он поднял и опустил его, тяжелый стук возвестил о приходе гостя. Хэмиш, отвечая на его удивление такой эксцентричностью, высказал предположение, что когда-то дом принадлежал владельцу похоронного бюро.

Ратлидж не успел ему ответить, потому что дверь открылась и маленькая седовласая женщина в черном платье сурово спросила, что ему надо.

Он объяснил, кто он такой, и протянул удостоверение. Она взглянула и, с облегчением вздохнув, отступила, приглашая его войти в темный холл. Там было две двери по обеим сторонам широкой лестницы из красного дерева. В конце небольшого коридора виднелась третья дверь. Женщина открыла ту, что была справа, и пригласила войти в комнату. Это оказалась небольшая гостиная, выдержанная в самых приятных пропорциях, с высокими окнами с видом на церковь. Ему было предложено присесть на удобную софу. Обставлена комната была старой мебелью, но хорошо сохранившейся, благодаря заботливому уходу. Высокий, почти до потолка, камин украшала облицовка из дуба с резьбой в виде птиц, листьев деревьев и папоротника. Вероятно, камин был более старинный, чем мебель. Запах лимонного воска исходил от недавно натертого пола и всех деревянных поверхностей, отполированных до блеска. Не было заметно и следов пыли на широких листьях комнатного растения, стоявшего в углу. Оно почему-то не понравилось Хэмишу.

«Более безобразного азиатского ландыша мой глаз еще не встречал», – проворчал он.

Ратлидж мысленно с ним согласился. Цветок казался не к месту, но тем не менее за ним хорошо ухаживали.

Миссис Уайнер встала перед ним с видом строгой школьной учительницы и произнесла:

– Я правильно поняла? Вы сказали Скотленд-Ярд. То есть вы из Лондона?

– Да, все верно.

Позади нее, на каминной полке, стояли фарфоровые часы, издававшие приятное на слух тиканье.

Миссис Уайнер прикрыла на мгновение глаза.

– Я молилась в ожидании ответа. И он пришел.

Ратлидж, не поняв ее, уточнил:

– Я не пришел с ответом, что убийца пойман.

– Нет. Вы приехали его искать. И это главное.

– Я приехал, потому что епископ Каннингем просил Ярд заняться этим делом.

– Как он и должен был поступить! Это было неслыханным преступлением! *Неслыханным!* Я смотрела, как отец Джеймс лежит там, и понимала, что такое не мог сделать обычный грабитель. Но инспектор Блевинс, кажется, не понял этого. Или не захотел. Мне даже начинает казаться, что ему хотелось, чтобы дело выглядело как обычное ограбление. Что сюда забрался вор, чтобы стащить деньги, собранные на празднике. Но это было не так. И теперь, когда вы здесь, наконец-то дело сдвинется. Я на это надеюсь.

Ратлиджу стало неловко от выражения напряженного ожидания на лице миссис Уайнер.

– Но почему вы так уверены, что убийца не был обычным вором?

– Потому что это не так! Мне все равно, что они говорят. Никто не станет зверски убивать человека из-за такой ничтожной суммы и при этом оставлять образ на его груди ценой более пятидесяти фунтов! Я думаю, что это была месть! Кто-то пришел его убить.

Интересное мнение.

– Но что мог совершить отец Джеймс, чтобы вызвать такую ярость?

– Вот вы и найдете ответ, – ответила миссис Уайнер с горячностью. – Послушайте, я служу экономкой здесь с самого начала, с тех пор, как отец Джеймс приехал сюда. А это более десяти лет. Он был хорошим человеком и замечательным священником. Неравнодушным и очень отзывчивым. Хорошие люди часто имеют врагов, не подозревая об этом. – Женщина, повернув голову, взглянула в сторону двери, как будто ждала, что кто-то подойдет и позовет ее. – Я никогда не забуду тот ужас, который испытала и испытываю до сих пор, когда увидела его в луже собственной крови. Его рука была уже ледяной, когда я до нее дотронулась, и я заплакала от жалости. – Она снова сурово посмотрела на Ратлиджа. – Его убил монстр. Это было возмездием отцу Джеймсу за противление жестокости, злу и греху. И вы вспомните мои слова, если по-настоящему займетесь делом.

Хэмиш заметил: «Она верит в то, что говорит, и она не удовлетворится никакими объяснениями, пока не найдут убийцу».

Он мысленно ответил: «Она по-своему сильно его любила. И разумеется, по ее понятиям, его действительно мог убить только монстр, чудовище в человеческом обличье, ничто другое ее не устроит».

А вслух спросил:

– Вы точно знаете, что деньги были здесь? Те, что собрали на ярмарке?

– Разумеется, я знала. В тот же вечер, когда закрылась ярмарка, отец Джеймс отдал их мне со словами: «Заприте их в моем столе, Рут. Я дам вам ключ, а сам пока пойду умоюсь». Он был одет клоуном, развлекал детей на ярмарке, и краска все еще была у него на лице.

– Он часто так поступал? Отдавал вам деньги, чтобы их убрать?

– Когда просил, я делала. Он мне доверял, – просто ответила миссис Уайнер.

– Ящик стола был взломан?

– Да, он был взломан варварски, хотя там был маленький замочек, совершенно бесполезная вещица, просто на всякий случай, если кто-то заглянет посторонний. Но ни разу еще не было случая, чтобы кто-нибудь что-нибудь украл, ни полпенни. В доме никогда не запирались двери, не было ни запоров, ни засовов. Говорю вам – он доверял людям. Ему и в голову не могло прийти, что кто-то сюда может вломиться.

– Как ни печально, но так все и происходит. Грабители пользуются доверчивостью. Что же касается меня, то я здесь не имею властных полномочий, миссис Уайнер. За исключением того, чтобы взглянуть, как идут дела, и заверить епископа, что делается все возможное, чтобы отыскать убийцу отца Джеймса.

– И каким образом, ответьте мне, вы собирались убедить епископа, если и пальцем не пошевелили, чтобы поправить инспектора Блевинса и пустить по верному следу? – Старая женщина подняла брови, ее взгляд выразил презрительное недоумение.

– Но дело в том, что Ярд... – начал было Ратлидж и тут же замолчал.

Ее явно не интересовала политика, проводимая Скотленд-Ярдом, как и его роль за пределами Лондона. Подобно Бриони из Нориджа, ее горячо интересовало одно – найти причину такого неслыханного убийства, получить ответы на свои вопросы.

Он разочаровал миссис Уайнер, о чем ясно свидетельствовало выражение ее лица.

Пытаясь сгладить впечатление, Ратлидж сказал:

– Вот вы только что упомянули, что доброта всегда находит врагов. Не могли бы вы назвать кого-то, кто мог затаить обиду и имел причину, чтобы отомстить отцу Джеймсу?

– Не будьте глупцом, – отрезала миссис Уайнер, – если бы у меня был список таких людей, я давно бы передала его инспектору Блевинсу. Никогда не слышала, чтобы отец Джеймс отозвался о ком-то плохо. Он умел слушать, а выслушав, не осуждал, просто искал возможность помочь. Он был хорошим человеком и всегда всем помогал. Искал в людях только хорошее, но, к сожалению, не всегда находил. Вы же знаете, есть такие люди – двуликие, улыбаются и соглашаются с вами, а за спиной дурно о вас говорят. Он знал это, разбирался в людях не хуже любого хорошего полицейского.

Ее оценка человеческой природы нашла одобрение у Хэмиша: «Точно сказано, вот помню, один занял у отца денег и не отдавал, говоря, что не может вернуть долг, потому что разорен. А это не было правдой. Он просто скрывал прибыль».

– Вы приходили в этот дом каждый день? Как он вел себя за последние недели? Как всегда? Или чем-то был обеспокоен? – спросил Ратлидж.

В глазах женщины промелькнул испуг. Это было неожиданно, как будто страх был запрятан глубоко и она не хотела его показывать. Помолчав немного, она ответила:

– Иногда, по утрам, его постель оказывалась нетронутой. И он часто стоял в кухне у окна, которое выходит в сад позади дома. Чай остывал, но он не замечал. А в то последнее утро, когда я вошла, он обернулся так, как будто не ожидал меня увидеть. А я пришла, как всегда, в свой обычный час, но он как будто потерял счет времени.

– Как вы думаете, его беспокоили проблемы прихода?

– Если бы они были, я бы о них знала. Но он ходил несколько раз к доктору, и я начала думать, уж не болен ли он – рак или что-то еще серьезное. И, узнав, теперь он постоянно об этом думает.

– Доктор местный?

– Да, доктор Стивенсон. Я больше ничего не могла придумать. Вполне возможно, доктор сообщил ему плохую новость. Я ждала, что он мне сам расскажет, но он молчал. И вдруг его убили. Господи, прости и спаси мою душу, но, когда его опускали в землю, мне вдруг пришла в голову мысль, что теперь ему больше не надо беспокоиться о болезни.

– А были заметны какие-то симптомы? Кашель, жалобы на боль. Может быть, он принимал лекарства, которые раньше вы не видели?

– Нет. Если бы что-то подобное было, я прямо спросила бы его об этом. Нет, чувство было такое, что его что-то глубоко тревожит. Когда я первый раз увидела его у окна, как он стоит и смотрит в сад, я спросила, о чем он думает, не случилось ли с ним что-нибудь? И он ответил: «Нет, Рут, со мной все в порядке». Но было не в порядке. Он был сам не свой.

– Может быть, совесть?

Миссис Уайнер даже рассердилась, окинув Ратлиджа неодобрительным тяжелым взглядом.

– Такие, как отец Джеймс, не могут иметь нечистую совесть. Я скорее поверю, что мой собственный сын безнравственный и нечестный человек, а он работает клерком в уважаемом банке в Лондоне!

Глава 6

Сразу за поворотом на Уотер-стрит он увидел дом доктора Стивенсона с маленькой табличкой.

Затормозив, решил зайти. Оставил автомобиль на дороге около дома и позвонил в дверь. Не лишним будет проверить опасения Рут Уайнер.

Дверь открыла женщина в белом фартуке, с волосами аккуратно забранными в узел. Строгая прическа придавала ей суровый вид, который опровергали добрые глаза. Ратлидж представился и спросил, может ли он переговорить с доктором.

– Но доктор сегодня больше не принимает.

– Я не на прием. Это по поводу полицейского расследования. – И он показал ей удостоверение.

Она колебалась, не зная, как поступить. Ратлидж улыбнулся, и она сказала с тенью сомнения:

– Он у себя в кабинете, пишет медицинский отчет, чтобы отослать в Лондон. Если я вам разрешу войти, вы не задержите его больше чем на несколько минут? Почта ждать не станет.

Она провела его по коридору в кабинет доктора, где тот писал за столом, на котором были разложены бумаги. Доктор Стивенсон поднял голову и, увидев позади медсестры Ратлиджа, недовольно сказал:

– Я сегодня больше не принимаю. Конни, разве вы не предупредили?

– Я не на прием, – объяснил Ратлидж. – Я из полиции, меня прислал Скотленд-Ярд.

– Ярд, говорите? – Доктор внимательнее взглянул на посетителя. – Ладно. Могу вам уделить несколько минут. Но не больше. – Он отложил ручку и откинулся на спинку стула, вытянув перед собой руки.

Ратлидж сделал вывод, что хотя доктор резковат, но не бездушный сухарь. Он с интересом рассматривал инспектора.

Когда сестра вышла, прикрыв за собой дверь, Стивенсон заметил:

– Хоть вы и не пациент, должен сказать, что вид у вас нездоровый. – И показал на стул, приглашая садиться.

– Это неудивительно. В меня стреляли несколько недель назад.

– При исполнении служебного долга?

Ратлидж кивнул.

– Тогда это все объясняет. У вас одно плечо выше другого, как будто оно потеряло подвижность. Что привело вас в Остерли? Дело отца Джеймса?

– Мы заверили епископа, что все, что в наших силах, будет сделано для расследования этого трагического случая.

– Тогда вам надо говорить с инспектором Блевинсом, а не со мной.

– Меня привело сюда дело, которое касается медицины. – Ратлидж с интересом оглядел полки, набитые медицинскими журналами и книгами.

Доктор нетерпеливо переложил перед собой бумаги.

– Если вы хотите знать мое мнение, то я не могу поверить, что кто-то из моих пациентов мог совершить подобное убийство. Я ничем не смогу помочь. Если бы у меня были хоть малейшие сомнения, я бы сразу выложил их инспектору Блевинсу.

Ратлидж улыбнулся.

– Пациент, о котором я хочу спросить, – сам отец Джеймс. Вы были его доктором. Мне сказали, что он был очень задумчив последнее время. Незадолго перед смертью что-то явно его беспокоило. Его экономка считает, что он мог быть серьезно болен, но скрывал это от нее. Если не собственное здоровье его так тревожило, мы поищем другую причину.

– Не вижу, как его беспокойство может помочь вам найти убийцу. Но могу заверить, что отец Джеймс был абсолютно здоров. Так, небольшие проблемы время от времени, тонзиллиты, но ничего серьезного, проходило с помощью коробочки леденцов от горла. Они ему помогали.

– И все-таки он приходил к вам несколько раз незадолго до смерти?

– И в этом нет ничего удивительного. Религия и медицина часто идут рука об руку. Я общаюсь со священниками так же часто, как с похоронным бюро. Люди, испытывая боль или страх, ищут утешения, церковь и медицина помогают по мере сил.

Ратлидж промолчал, и Стивенсон, приняв это молчание как нежелание принять его объяснения, добавил:

– Но вы правы. Пару раз в последнее время его привела ко мне не болезнь. Собственная или прихожан. Он спрашивал об одном моем бывшем пациенте. По имени Бейкер. Отца Джеймса позвали к постели Бейкера, когда тот умирал. После его смерти отец Джеймс приходил ко мне поинтересоваться, был ли Бейкер в последние минуты своей жизни психически здоров. У меня не было никаких причин сомневаться в адекватности Бейкера.

– Он из прихожан отца Джеймса?

– Вообще-то нет. Наверное, это и вызвало у настоятеля вопрос о душевном здоровье Бейкера, хотя он не вдавался в подробности. Дело в том, что Бейкер был приверженцем англиканской церкви, но почему-то захотел исповедаться у католического священника, а не только у своего vicar. И семья пошла навстречу. Надо отдать должное отцу Джеймсу – он пришел, хотя погода была ужасной, бушевал шторм. Та ночь была одной из самых ненастных за последний год. А спустя несколько часов Герберт Бейкер умер – естественной смертью, могу за это ручаться. И его завещание было самым обыкновенным, ничего неожиданного. Кстати, я сам присутствовал при его составлении несколько лет назад. Никто из детей Бейкера не выражал своего недовольства, насколько я знаю. Здесь не было оснований для тревоги, я так и сказал отцу Джеймсу.

– Тем не менее он приходил поговорить с вами о Бейкере не один раз.

Доктор взял со стола ручку, как будто показывая посетителю, что ему надо вернуться к работе.

– Я только что объяснил, что Бейкер перед смертью настоял на том, чтобы привели католического священника из церкви Святой Анны. Викарий был с ним рядом в тот момент, когда он умер. К тому времени отец Джеймс уже ушел, он пробыл не более получаса. Это не обычный случай, хотя я много раз присутствовал у постели умирающих и видел много необычного. Мартина Бейкера послали за священником, раз просил отец, и это было сделано.

– Как вы считаете, что могло так отягощать его совесть, почему он повел себя столь странно, пригласив сразу двух священнослужителей? – Ратлидж задал вопрос небрежно, как будто в продолжение разговора, из простого любопытства.

– Не думаю, что что-то большее, чем юношеские прегрешения. Старый Бейкер служил много лет звонарем при Святой Троице и, скорее всего, не хотел, чтобы vicar изменил о нем свое мнение в худшую сторону. Я знаю много случаев, когда перед концом человека начинали мучить недостойные поступки, совершенные в юности.

– После всего, что я узнал об отце Джеймсе, у меня не сложилось впечатления, что его стали бы излишне тревожить признания Бейкера о грехах молодости.

– Отец Джеймс частенько меня удивлял своим отношением к людям, своим искренним сочувствием и страстным желанием помочь заблудшим душам. Я всегда восхищался им. – Доктор снял с ручки колпачок. – Я уделил вам гораздо больше времени, чем мог. Мне необходимо срочно закончить отчет. Один из моих пациентов находится в Лондоне и ждет операции. Я должен отправить свое заключение.

– Всего только два вопроса, прошу вас. Вы знаете хоть одного человека в городе, кто мог затаить обиду или злость против отца Джеймса?

– Это просто невозможно. Вот его предшественника, аристократа по происхождению, уважали, но не любили. А отец Джеймс был таким искренним и добрым человеком, таким открытым, он выполнял свой долг от всего сердца и никогда никого не осуждал. Я не был его прихожанином, но слышал, что он читал проповеди так задумчиво и интересно, что дерево могло запеть.

– Мне известно, что он был капелланом на фронте и его отослали по болезни. Тяжелая дизентерия.

– Да, она перешла в хронику, и он умер бы в течение месяца, если бы его не отправили домой, где чистая вода, нормальная еда и покой сделали свое дело. Отец Джеймс очень переживал и рвался на фронт. Но монсеньор Хольстен из Нориджа его приструнил, напомнив, что Господь, а не отец Джеймс решает, где ему лучше служить. И как ни странно, это оказалось правдой. Когда разразилась эпидемия испанки, он был моей правой рукой. Половина больных осталась в живых только благодаря отцу Джеймсу. Он проявил необычайную выносливость, как будто был сделан из железа.

Ратлидж поблагодарил Стивенсона и уже у двери обернулся и спросил:

– А когда умер Бейкер? До или после осенней ярмарки у церкви Святой Анны?

– День или два после. Я помню, как викарий говорил что-то о погоде, о том, что разразившийся шторм не испортил праздник. Рад был вам помочь. А теперь – прощайте.

Хэмиш ворчал, пока Ратлидж покидал дом доктора: «Если не свое здоровье беспокоило священника накануне смерти и не признания этого человека, Бейкера, что тогда не давало ему спать? Что-то произошло на ярмарке у церкви?»

– Да, я и сам думал об этом. Иногда люди приезжают издалека на такие праздники. На ярмарках и базарах можно что-то продать или купить. А еще там балаганы и заезжие артисты, веселье и хорошая еда.

«Люди и на похороны едут издалека».

– Но ярмарка привлекает их больше. Кстати, когда хоронили Бейкера, то не отец Джеймс проводил службу на похоронах, это сделал викарий.

Глядя на улицы Остерли, где бледный рассеянный солнечный свет отражался от кремнистых стен домов, Ратлидж думал, что завтра утром уедет в Лондон. Назад, к своему столу в Ярде, заваленному бумагами, к нераскрытой почте, ждавшей дома в гостиной, и не будет запаха болот и криков чаек над головой. Он решил, что местная полиция лучше знает своих людей, так что ему больше здесь делать нечего.

Но так ли это? Какая бы причина ни пряталась за зверским убийством священника, под каким бы предлогом преступление ни совершилось, кто-то слишком ловко скрыл следы.

Преступник очень умен или ему просто повезло?

Хэмиш тут же с насмешкой заметил: «Для человека, который не хочет быть вовлечен в расследование, ты задаешь слишком много вопросов».

– Я просто пытался как можно лучше разобраться, чтобы быть уверенным, что страхи епископа не имеют оснований.

Но было ли это правдой? Из опыта Ратлидж знал, как часто расследование заходит в тупик, когда полиция не умеет правильно задать вопросы. Или не видит перед собой очевидных фактов или улики, которые могли бы пролить свет на преступление. На первый взгляд незначительные связи между людьми могут оказаться решающими, но их не принимают во внимание. И большинство ошибок происходит из-за человеческого фактора – отказа быть объективным.

Как-то старый сержант в Скотленд-Ярде сказал ему, только начинающему свою карьеру:

– Никто не свободен от чувства вины. Но если ты ищешь правду – надо идти до конца.

Некоторые детали в этом деле вызвали любопытство, например реакция тех людей, кто был близок к отцу Джеймсу. Они начисто забывали о краже как о причине преступления,

уверовав в то, что здесь скрыта настоящая трагедия и только этим можно объяснить *такое* убийство. Что у человека, а скорее чудовища, убившего отца Джеймса, мог быть дьявольский умысел. Никто не хотел верить в очевидное, что даже маленькая сумма могла привлечь обыкновенного грабителя.

Но если не кража, то что? Бывают преступники, которым ничего не стоит лишить жизни человека.

Хэмиш отозвался: «А если убийца охотится только за священниками? И теперь готовит новое нападение».

Значит, не кража денег, и не греческая трагедия, а маниакальное стремление убивать священнослужителей? Ратлидж задумчиво взглянул на церковь, возвышавшуюся над дорогой. Тогда где и когда будет нанесен следующий удар? Неужели уже намечена следующая жертва?

Поскольку полицейский участок находился недалеко от дома доктора, Ратлидж решил проверить, не вернулся ли инспектор Блевинс. Оставив автомобиль там, где он стоял, Ратлидж дошел до участка пешком.

На входной двери все еще висело прежнее объявление, и он уже хотел уйти, намереваясь немедленно вернуться в Норидж. Но в это время изнутри послышались возбужденные голоса. Ратлидж повернул ручку, дверь была не заперта. Раз там есть кто-то из полицейских, он может оставить для инспектора Блевинса сообщение, хотя бы из вежливости.

Перешагнув порог, он попал в настоящий хаос. Огромного верзилу с трудом удерживали на стуле два констебля, а он, вырываясь, поливал отборной руганью инспектора и сержанта, стоявших напротив и слушавших его проклятия с выражением крайнего неодобрения на лицах.

Когда Ратлидж вошел, констебли невольно повернули головы, чтобы взглянуть на него, и в этот момент, наверное, ослабили хватку.

Инспектор, тоже взглянув на Ратлиджа, спросил:

– Вам что здесь надо? – и потом констеблю: – Франклин, смотрите, что делаете, черт возьми!

– Инспектор Ратлидж из Скотленд-Ярда...

В это время, воспользовавшись моментом, верзила вскочил со стула, как кит, выпрыгивающий из воды. Хэмиш прокричал предостережение. Но великан уже вырвался из рук констеблей и, как разъяренный бык, устремился к двери, при этом плечом ударив в грудь Ратлиджа, не успевшего увернуться. Как будто дюжина огненных мечей пронзила его грудь. От дикой боли он согнулся пополам, но инстинктивно выставил вперед ногу, верзила споткнулся и с ужасным грохотом рухнул на пол. Полицейские что-то кричали, все сразу. Шум стоял невероятный.

Констебли, как обезьяны, ловко уселись на верзилу. Инспектор Блевинс, тяжело дыша, непрерывно ругался.

– Не стойте столбом, сержант, помогите им! – крикнул он, и сержант, пожилой человек, присоединился к констеблям, но толку от него было мало, и Блевинс распорядился: – Да стукните вы его, если не можете справиться!

Чей-то тяжелый кулак врезал верзиле по голове, и он обмяк.

Ратлидж, прислонившись к стене, пытался вобрать в легкие воздух, но это было слишком болезненно. Постепенно он смог тихонько дышать, голова кружилась. Сержант приказал констеблям крепко держать верзилу на всякий случай и пошел к столу за наручниками.

Наконец, вчетвером полицейские подняли его и поволокли из комнаты, а он, уже придя в себя, сыпал проклятиями в их адрес. Скованный наручниками, он лягался изо всех сил, пытаясь тяжелыми башмаками попасть в стражей порядка.

Блевинс вернулся, тяжело дыша и потирая ушибленное бедро.

– Проклятый бык! Ратлидж, вы сказали? Из Ярда? Что вы хотите? Вас привела смерть настоящего?

И когда Ратлидж кивнул, он наклонился и стал собирать с пола разбросанные со стола бумаги.

– Вы как раз вовремя. – Блевинс указал кивком в ту сторону, куда утащили верзилу и откуда доносилась ругань. Там находилась камера, в которую водворили смутьяна. – Вот подозреваемый по делу настоящего. На ярмарках работал силачом. Скажу вам, его представление впечатляет – он один тащит сцепленные повозки против целой упряжки лошадей; поднимает скамью с сидящими на ней по краям двумя молодыми леди, кидает гири, которые не под силу поднять обычному человеку. Очень популярен среди дам и молодежи. Зовут его Уолш.

– Что связывало его со священником? – Ратлидж с трудом пересиливал рвущую боль, мозг отказывался работать, легкие горели.

– Выяснились некоторые обстоятельства. Миссис Уайнер была удивлена, когда Уолш появился в день ярмарки в доме настоящего и на ее вопрос, что ему тут надо, заявил, будто бы ищет, где можно умыться. Во всяком случае, он так сказал. Она его, естественно, прогнала, хорошенько отругав. К счастью, она потом вспомнила об этом случае и рассказала сержанту Дженнингсу. И когда полиция схватила Уолша на очередной ярмарке в соседнем городе, у него оказалась новая повозка для своего снаряжения. Мы только что его доставили сюда.

– Но ведь в новой телеге нет ничего подозрительного?

– Он купил ее спустя два дня после убийства настоящего, заплатил мелкими купюрами и монетами.

Блевинс указал Ратлиджу на стул, на котором только что удерживали Силача, а сам сел за стол дежурного сержанта. Рука инспектора была в крови, ею была запачкана манжета.

– Проклятый ублюдок! Зубы как у стального капкана.

Ратлидж сел. Острая боль в груди переросла в тупую, ноющую. Он сделал осторожную попытку вдохнуть глубже.

Деньги обычные для ярмарки. Столько и в таком виде он мог собрать за свое представление на ярмарках.

Блевинс внимательно на него посмотрел:

– Послушайте, мы только в самом начале пути. Я послал людей расспросить, где эта новая повозка была куплена, узнать, когда он ее заказал. Другие мои люди отслеживают весь путь и действия Уолша в тот день и ночь, когда был убит отец Джеймс. Такой человек, как Уолш, нигде не может остаться незамеченным. Половина сил полиции графства отдана в мое распоряжение, чтобы отыскать след убийцы. Один местный лорд даже назначил приличное вознаграждение тому, кто даст информацию, которая поможет его арестовать. Отца Джеймса все любили. Мы делаем все, что в наших силах!

Ратлидж примирительно сказал:

– Не сомневаюсь и отлично вижу это. Вы, на мой взгляд, прекрасно держите все нити в своих руках. Но епископ Каннингем был так встревожен случившимся, что обратился в Ярд за помощью. Монсеньор Хольстен обрадуется, узнав, что вы уже задержали подозреваемого.

– Это понятно. – Блевинс устало потер глаза. – Он был другом отца Джеймса. Хотите правду? Это первая ниточка, за которую нам пока удалось зацепиться. И если не он убил настоящего, Уолш то есть, то почему он устроил такую драку? Оказывал сопротивление и здесь, и в городе, где его взяли?

«Потому, – сказал Хэмиш, – что у этого человека могли быть другие секреты от полиции, не имеющие отношения к убийству».

– Значит, вы не хотите, чтобы я вмешивался, – подытожил разговор Ратлидж, – тогда я уезжаю. И оставляю дело вам.

Несмотря, однако, на свое решение вернуться в Лондон, он сомневался в его правильности. Трудно уехать, зная, что не оправдал надежд тех людей, которые смотрели на него как на спасителя, не доверяли местной полиции и ждали ответа на свои вопросы. И арест Уолша вряд ли их успокоит.

Хэмиш на это заметил: «Они были не правы – и Бри-они, и миссис Уайнер, и монсеньор Хольстен – дело не в тайной трагедии. Причина банальная – новая телега».

Блевинс задумчиво смотрел на лондонского инспектора, явно что-то обдумывая. И вдруг сказал, немало удивив Ратлиджа:

– Вы сделаете мне одолжение, инспектор, задержавшись у нас на день-два? Пока мы не разберемся с Мэтью Уолшем – Силачом. – И, помолчав, добавил: – Меня тоже глубоко задела смерть отца Джеймса. Я был одним из его прихожан, видите ли. И мне трудно оставаться беспристрастным в этом деле, чтобы верно сделать вывод – виноват Уолш или нет. Мною движет злость и желание самому прикончить убийцу.

– Вы говорили об этом с главным констеблем?

– Он сказал, что мои личные чувства не имеют значения, надо смотреть в лицо фактам. Но скажите вы мне, как я могу спокойно вести дело, если мечтаю увидеть, как станут вешать этого негодяя!

– Вы, наверное, хорошо знали отца Джеймса. Расскажите о нем, – попросил Ратлидж.

– Уже немолод. Но был на фронте, капелланом во Франции. Прошел ад при Сомме и там старался подбодрить всех солдат, любой веры, даже индусов, насколько мне известно. Любой мог зайти к нему в палатку и поговорить обо всем. Я имею в виду открыть душу и получить совет и утешение. – Он окинул взглядом Ратлиджа. – Вижу, вы тоже воевали?

Ратлидж кивнул.

– Я так и подумал, когда увидел, как вас согнуло, когда Уолш врезал вам плечом в грудь, старая рана долго заживает. Половина из нас там, на фронте, боялись, что скоро умрут, а половина знала, что мы уже мертвы, потому что не было надежды пройти через это и выжить. Но я ни разу не слышал, чтобы отец Джеймс говорил, что это был его долг. Что мы все должны защищать Англию. Или другие подобные слова... – Блевинс вдруг оборвал себя и виновато улыбнулся, вспомнив, где находится. – Он никогда не относился к нам равнодушно, не поучал, просто помогал молиться, чтобы мы побороли страх. Я раньше, до Соммы, редко обращался к Богу. Только когда это требовали условности. Но отец Джеймс научил нас молиться и обращаться за помощью к Нему, чтобы дал нам силу пережить страх смерти. И это единственное, что спасало нас, когда мы шли в атаку под градом пуль. Я шел, и все внутри меня переворачивалось, винтовка дергалась в руках, но я громко молился, так что слышал себя. И я был не один такой.

– Да, так было.

Ратлидж и сам слышал, как люди молились в подобных случаях. Произнося слова молитвы – смесь мольбы, обещания, покаяния, – они как будто пытались вступить в сделку с высшими силами, чтобы вымолить себе жизнь. Он и сам так поступал. Позднее он молил освободить его от воспоминаний о войне.

Блевинс покачал головой.

– Вот каким человеком был отец Джеймс. И какой-то проклятый негодяй всего из-за нескольких фунтов убил его. Убил саму доброту, саму щедрость, сочувствие и любовь к людям – все уничтожил за горсть монет. – Он замолчал. Лицо его оставалось бесстрастным, лишь глаза выражали страдание.

Хэмиш прошептал: «Он очень обеспокоен...»

– Не вижу причин, чтобы вам отказать, – сказал Ратлидж. – Я останусь до тех пор, пока это будет вам необходимо.

В конце концов, Боулс дал ему несколько дней, чтобы выполнить довольно оригинальное задание. А епископ и тем более не станет возражать.

– Здесь есть гостиница, в Остерли. Конечно, не по стандартам Лондона, но вполне приличная. Хозяйка очень приятная особа, и еда хорошая. Я заеду позже, узнать, как вы устроились. Надо дать Уолшу время успокоиться, прежде чем допрашивать его.

Ратлидж понял, что разговор окончен и пора уходить. Инспектору тоже надо дать время успокоиться.

Хэмиш согласился: «Он неплохой полицейский. Если видит собственные слабости».

Ратлидж встал.

– Я оставил вещи в Норидже. Съезжу туда сегодня вечером и вернусь утром. Хочу взглянуть на кабинет отца Джеймса, если не возражаете, перед тем как мы станем допрашивать Уолша.

– Миссис Уайнер вам покажет. Думаю, что она с тех пор ни разу не открывала туда дверь, и в спальню тоже. Очень переживает, для нее это тяжелый удар. Все винит себя за то, что не осталась подождать его возвращения. Но так всегда и бывает, верно?

– Да, жалеть впоследствии о том, что мог и не сделал, – весьма обычное дело. – Ратлидж поблагодарил инспектора и ушел.

* * *

Он вернулся в Норидж, позвонил в Ярд, оставил сообщение для сержанта Гибсона, что задерживается. Не прошло и получаса, как ему позвонила Франс и сообщила, что у общих друзей родилась дочь и что все здоровы и счастливы.

Она всегда умела вытащить информацию о брате у сержанта Гибсона. Суровый старый сержант был мягче воска в ее руках.

До обеда оставался час. Ратлидж сел в самое удобное кресло и прикрыл глаза. Рана ныла, мстя за непривычную нагрузку, усталость охватила все тело, но он не мог уснуть от переутомления. Покой не приходил. Слишком много времени за рулем, слишком большая нагрузка на рану, да еще вновь травмированную. Но он ни о чем не жалел. Вдали от Лондона он чувствовал себя свободным. Здесь никто не знал ни о его прошлом, ни о том, что случилось совсем недавно.

В какой-то момент он все-таки уснул, и тишина в комнате сменилась шумом сражения, выстрелами, отдаленными раскатами артиллерии, стрекотом пулемета, поливающего свинцовым дождем людей, бегущих в атаку. Под ногами грязное месиво, скользкое и черное. Он вдруг упал, еще не понимая, ранило или потерял в грязи ботинок. И остался лежать, не имея желания встать, надеясь, что умирает. Раздался громкий голос капрала Маклауда, который спрашивал, что с ним. Он с трудом поднялся, не понимая, почему такая тяжесть в груди и когда ему успели ее перевязать. Было очень тяжело дышать и на бегу выкрикивать своим солдатам команды. Он видел вражеское пулеметное гнездо, откуда шла стрельба.

Слыша звучные шлепки пуль вокруг себя, крики раненых, молитвы, злую ругань тех, кто, поборов страх, шел вперед, он вел на смерть своих людей. Им дали неверные координаты пулеметного гнезда, и поэтому его не смогли накрыть вовремя, погасить смертоносный дождь. Наконец в адском шуме он каким-то непостижимым образом расслышал выстрел снайпера, потом еще один и третий. Пулемет захлебнулся и затих...

Глава 7

Ратлидж поужинал в небольшом уютном ресторане на первом этаже отеля. Большинство посетителей были местными жителями, и он вспомнил, что сегодня суббота. Шляпки вышли из моды, но тем не менее женщины носили их с достоинством, а костюмы были довоенного покроя и плохо сидели, как будто молодые люди, потеряв лишний вес во время войны, так и не вернулись к прежней форме. Парочки, сблизив головы, говорили тихо, временами умолкая, как будто не знали, что еще сказать друг другу. Годы войны оставили брешь в отношениях людей, которую нелегко было залатать.

Интересно, о чем Джин станет говорить со своим канадским дипломатом даже в том случае, если давно с ним знакома.

Когда дверь из паба, расположенного в холле, распахнулась, Ратлидж невольно заглянул туда, и ему показалось в этот короткий миг, что он узнал человека, стоявшего у камина со стаканом в руке, – кажется, по цвету напитка это было виски с содовой. Но когда дверь открылась в следующий раз, человека там уже не было.

Он уже видел его однажды у причала в гавани. Его звали Эдвин...

Еда в отеле была простая, но хорошо приготовленная: морковный суп, жареная баранина с картофелем, с дополнительным гарниром на выбор – капуста и лук, и яблочная тарталетка на десерт.

Компанию ему составил только Хэмиш, и мысли Ратлиджа невольно вернулись к отцу Джеймсу.

Почему непредвиденная смерть должна иметь такое вселенское значение? Она всего лишь следствие человеческой жестокости, преступления, совершаемого без сожаления и угрызений совести. Почему она должна непременно сопровождаться фанфарами, как в «Гамлете»? В Лондоне Ратлиджу приходилось видеть много бессмысленных и жестоких убийств. Но друзья отца Джеймса не хотели мириться с обыденностью преступления и мучительно искали ответ. По их мнению, здесь не было ограбления, но нечто большее, даже сверхъестественное и загадочное. Сейчас, когда подозреваемый в убийстве грабитель пойман, остается лишь сопоставить факты, найти свидетелей и передать дело в суд.

Хэмиш тоже считал, что дело можно считать закрытым: «Если Силач – убийца, то следствие завершится без тебя».

Он согласился. Но оставались сомнения.

Если убил Уолш, мотивом была кража. Надо было заплатить за новую повозку. Он явился за деньгами, собранными во время праздника урожая на церковном базаре, а отец Джеймс наверняка его узнал. Его трудно не опознать даже в темной комнате при лунном свете – фигура верзилы выдала бы его. Если Уолш был застигнут врасплох на месте преступления, он действовал спонтанно, не думая в тот момент, что долг священника прощать, а не выдавать.

Но почему все-таки друзья отца Джеймса не хотели примириться с банальным грабежом? Может быть, они что-то скрывали и не сказали инспектору из Скотленд-Ярда всей правды?

Хэмиш тут же вмешался и тоже поинтересовался, почему протестант, который, судя по всему, был в прекрасных отношениях со своим викарием, вдруг обратился к католическому священнику? В представлении Хэмиша, яростного поборника своей церкви, это было немислимо. И еще, почему отца Джеймса так беспокоило состояние душевного здоровья того, к кому он был приглашен для исповеди?

Закончив ужин, Ратлидж пошел в холл выпить чаю. Устроился за уютным столом в углу у широкого окна-эркера, выходящего в темный сад. Глядя на отражение, искаженное стеклом двухсотлетней давности, он подумал, что картина выглядит зловеще. Стул стоял под таким углом, что правое плечо Ратлиджа в стекле было затемнено бархатной шторой, и казалось, что

кто-то стоит за его спиной... Вздрыгнув, он отвернулся от окна. Даже чашка с горячим чаем не могла согреть руки, которые сковал ледяной холод, как если бы вдруг он увидел в стекле чье-то окровавленное и обвиняющее лицо.

Хэмиш вновь вмешался, но потрясенный Ратлидж не смог сразу ему ответить.

Тайна исповеди обязательна в католической церкви. В англиканской же молчание исповедника не связано суровой клятвой и не так строго соблюдается.

Было что-то на совести умиравшего Бейкера, что мучило его настолько серьезно, что он потребовал исповеди у католического священника, потому что не хотел рисковать, признаваясь викарию.

По словам доктора Стивенсона, викарий Симс хорошо знал семью Бейкеров, и тем не менее...

«Ясно, что грехи были не мелкими. Но что он тащил грузом через всю жизнь до самой смерти?» – спросил Хэмиш.

Ратлидж с ним согласился. Грех вроде неверности, не-возвращенного долга, в котором мог признаться перед смертью Бейкер, не заставил бы отца Джеймса отправиться к доктору и спрашивать о психическом здоровье умершего. Кроме того, психическое состояние человека, сознавшегося в грехе, даже в преступлении, но давно забытом всеми, не вызовет сомнений в его здравом рассудке. Умиравший человек все равно уже вне власти закона. Правосудие в своем роде уже свершилось.

Доктор Стивенсон вспомнил, что отец Джеймс спрашивал о завещании...

Что, если один из наследников не имел прав на него?

«А это, – отозвался Хэмиш, – уже серьезная причина».

Или всю жизнь жил под другим именем.

Какой секрет открыл отцу Джеймсу Бейкер? Что один из детей на самом деле не имеет прав на наследство?

И это заставило отца Джеймса ночами расхаживать по дому и, забыв обо всем, часами смотреть в окно? Может быть, он боролся между долгом и клятвой священника о тайне исповеди? А монсеньор Хольстен подозревал о его мучениях и о той тяжелой ноше, которую несет его друг, отец Джеймс? Интересная дилемма – что делать с грехом, высказанным на исповеди, тяжким и заставляющим священника сомневаться в своем обете молчания.

Но если было завещание, был и нотариус, который его составил. Именно он сможет дать ответ, были ли темные истории в этой семье. Если же их не было...

«Тогда вернемся к войне, – решил Хэмиш без особого энтузиазма. – Ты знаешь лучше других, какие секреты приносят домой солдаты или что может открыть на исповеди тот, кто идет в бой и не ждет возвращения».

Ну и задача! Все равно что найти иголку в стоге сена.

Но такую иголку мог отыскать отец Джеймс...

Может быть, это произошло на ярмарке?

На следующее утро Ратлидж поехал обратно в Остерли. Хэмиш непрерывно бубнил в его мозгу.

Ратлидж плохо спал в эту ночь, никак не мог найти удобное положение. Ноющая боль в груди и мышцах, отвыкших от нагрузки, не давала уснуть. Франс бы сейчас обязательно сказала: «Я тебя предупреждала».

Действительно, так уж получалось в результате, что каждый раз, как только он немного воодушевлялся и чувствовал себя сносно, обязательно опять попадал в неприятную ситуацию. Плохому самочувствию способствовал Хэмиш, на которого плохо действовала сырая, ненастная погода. Он становился агрессивен и болтлив.

Если Хэмиш не сравнивал зеленую холмистую землю Норфолка с голыми скалами и долинами Шотландии, то переходил к обсуждению обстоятельств, окружавших смерть отца Джеймса, перебирал подробности разговора с монсеньором Хольстеном или с инспектором Блевинсом. И Ратлидж не мог избавиться от своего навязчивого компаньона, от которого мог спасти только крепкий сон.

Ратлидж давно пришел к заключению, что зловредный дух Хэмиша не нуждался в отдыхе.

В это утро, борясь с головной болью, следствием непрерывных тяжелых мыслей, он очень обрадовался, когда неяркий столб солнечного света пробил толщу облаков, заодно приподнимая темную завесу в его голове. Даже Хэмиш обрадовался перемене и неожиданно сказал: «Не очень-то хочется возвращаться в Лондон. Удивляюсь, как люди живут в больших городах. Они напоминают стадо на ярмарке».

Ратлидж согласился со своим мучителем. Его кабинет в Ярде такой крошечный, что вызывал клаустрофобию, особенно когда за окном темно и льет дождь и он оказывается отрезанным от мира, вынужденный томиться в духоте, пропитанной табаком и сырой шерстью. В такую погоду старик Боулс непредсказуем, как Хэмиш.

И еще ему не хотелось возвращаться под бдительное око Франс. Хотя сестра пыталась скрыть тревогу за него и делала вид, что все в порядке, даже шутила, но он не обманывался, зная ее. Ратлидж вдруг сказал громко, разговаривая сам с собой по привычке, от которой не мог избавиться:

– Я пробуду здесь еще день. Это не повредит делу.

Встречный грузовик, направлявшийся в Норидж, обдал капот автомобиля потоком грязной воды. Ратлидж смотрел, как дворники сгоняют грязь с лобового стекла, чему помогает начавшийся морозящий дождик, сменивший временное прояснение.

Въехав в город, Ратлидж увидел, как народ спешит к церкви Святой Троицы на службу. Некоторые лица были ему знакомы – фермер с сыновьями, который удачно продал на ярмарке барана, молодая женщина, которую он заметил в первый день у церкви, хозяйка из «Пеликана», двое мальчишек, бежавших с обручем по Уотер-стрит. Семейные воскресные традиции здесь соблюдались – люди шли, приветствуя друзей, поглядывая на высокую башню церкви, и это было очень по-английски.

У него было странное чувство, что он вернулся домой.

Констебль, дежуривший в участке, сообщил, что инспектор Блевинс отправился к мессе и оставил сообщение, что ждет лондонского коллегу после ланча.

«Где месса, там и священник», – сказал Хэмиш, когда Ратлидж шел к автомобилю.

Он поехал к церкви Святой Анны. Дождик прекратился, солнце то и дело проглядывало, заливая слабым рассеянным светом город. Остановившись на площадке около церкви, он сидел в машине и пытался расслабить напряженные мышцы груди, массируя плечо и предплечье. Он почти достиг результата, когда служба кончилась и прихожане начали выходить из церкви.

Наблюдая за ними, он мысленно прикидывал, кто из них мог вызывать подозрение инспектора Блевинса до того, как схватили Уолша. Наверняка Блевинс перебирал многих перед тем, как начать расследование.

Немного погодя вышел и монсеньор Хольстен.

Он встал в дверях. Покидавшие церковь люди, в основном семьями, останавливались, и каждому он уделял внимание, внимательно выслушивал. Ратлидж, наблюдая за происходящим, сделал вывод, что монсеньор Хольстен знает большинство из них, но находит слова и для тех, кто ему незнаком. Для человека, облеченного высоким саном, у него была на удивление дружеская, располагающая манера общения. Среди прихожан был и инспектор Блевинс, он тоже остановился и сказал что-то монсеньору Хольстену, отчего у того просветлело лицо. Самыми последними к нему приблизились три пожилые женщины в черном, они завершали процессию

желающих приложиться к руке священника. И он каждой уделил внимание, с каждой поговорил, наклонив голову, чтобы расслышать самую старую из них, согбенную, опиравшуюся на палку. Она что-то спросила, и он покачал головой.

Хэмиш сказал: «Сам не знает, кто будет замещать отца Джеймса».

– У меня такое чувство, – ответил ему Ратлидж, – что монсеньор Хольстен сам останется, пока полиция не закончит дело.

Когда женщины в черном двинулись прочь, монсеньор Хольстен собрался вернуться в церковь, но в этот момент заметил сидевшего в машине Ратлиджа и сделал ему знак приблизиться.

Ратлидж, выйдя из автомобиля, пошел к церкви.

– Рад встрече, – сказал священник, – пойдете со мной, поговорим, пока я буду переодеваться.

Ратлидж пошел за ним.

– Вижу, что вы сами проводите службу. Епископ еще не определился с решением, кого послать сюда вместо отца Джеймса? Или вы останетесь здесь?

– Епископ пока ждет, не появятся ли новости из полиции. Не хочет спешить, но долго мы не сможем тянуть. Я могу только приезжать сюда на службу, но здесь нужен постоянный приходской священник, это придаст людям уверенность, что жизнь идет своим чередом и справедливость восторжествовала.

Они двинулись по главному проходу.

– Это очень красивый храм, – монсеньор Хольстен обвел рукой церковь, – хотя строгий и простой. Отец Джеймс говорил, что зодчий убрал все излишества, чтобы царила вера. И это правда – решена задача красоты в простых пропорциях и строгом убранстве. Это послание тем, кто будет здесь служить. К сожалению, это вымирающий приход, большинство молодых людей покидают побережье, потому что здесь нет для них работы. И епископу надо искать молодого энергичного священника, который сможет вдохнуть новую жизнь в приход и заменить отца Джеймса до того, как деятельное население уйдет в Норидж или другие города, более крупные. Вы сами видели, сколько сегодня на службе было людей кому уже за сорок.

– Да, я заметил. Ваши доводы должны убедить епископа. Продуманный совет? Или скорее просьба к Всевышнему удержать вас в безопасности в Норидже?

Открывая дверь в ризницу, монсеньор Хольстен улыбнулся:

– Вы правы. Я не против того, чтобы приезжать сюда проводить службы. Но не хочу быть здешним настоятелем.

– Должен сказать, что с поимкой Уолша напряжение начнет спадать, – успокоил его Ратлидж и добавил: – Но это займет некоторое время.

Монсеньор Хольстен покачал головой:

– В этом доме все еще остается что-то наводящее на меня ужас, что не даст мне спать по ночам.

– Например, атрибут в виде гроба вместо обычного дверного молотка? – спросил шутливо Ратлидж.

Монсеньор Хольстен снова улыбнулся в ответ:

– Причуда одного из викторианских священников. Напоминание – прах к праху... О том, что ждет каждого из нас. – Он снял облачение и аккуратно сложил в небольшой раскрытый чемодан на столе. – Я удивился, увидев, что вы все еще здесь, инспектор. Думал, уже в Лондоне как исполнивший свой долг.

– Я и собирался уехать, но инспектор Блевинс попросил меня остаться на день-два. Хочет убедиться, что этот Уолш и есть тот самый преступник. Они взяли его только вчера, и надо его допросить и выяснить все детали.

Монсеньор Хольстен кивнул:

– Инспектор Блевинс говорил с епископом вчера вечером. Он сказал, что рано делать выводы, но появилась надежда. И епископ Каннингем просил держать его в курсе.

– Блевинс и сам тоже заинтересован в скорейшем выяснении всех обстоятельств дела. – Ратлидж наблюдал, как монсеньор Хольстен положил сверху в чемодан освященные облатки и закрыл крышку. Когда они выходили из ризницы, он продолжил: – Я сейчас еду в гостиницу, чтобы снять номер. Вы не присоединитесь ко мне за ланчем?

Монсеньор Хольстен вздохнул:

– Я бы с радостью, но мне надо быть в Норидже, у меня сегодня вечером служба. Если будете еще здесь в следующее воскресенье, то с радостью приму ваше приглашение.

– Если буду. Где вы оставили автомобиль?

– Позади дома настоятеля. Послушайте, если вы задерживаетесь здесь на некоторое время, не могли бы выполнить мою просьбу? Боюсь, что инспектор Блевинс слишком занят. Я был бы очень признателен вам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.